

КУЛЬТУРА

Духовное пространство русской Евразии

12 – 18 января 2018 года № 1 (8081) Издается с 1929 года

Ода
Державину

www.portal-kultura.ru

Нас разделяющий экран

Новогодние праздники позади. В шадящем режиме страна выходит из отпуска под празднование старого Нового года. Он призван подвести итоги длинных каникул. Телевизионный день будет предсказуемым: «Старый Новый год» на Первом, «Россия 1» покажет «Аншлаг», а после полуночи порадует мелодрамой «Китайский Новый год»; НТВ повторит свою программу. К январю 2018-го претензий к сетке вещания накопилось столько, что раздраженные зрители пишут в Сети петиции с требованиями перевернуть эфир, и разворачивается противостояние «традиционалистов» и «новаторов». Кто побеждает в нем и почему?

ФОТО: НАТАЛЬЯ СЕРБИКОВА/РИА НОВОСТИ

Андрей Кивинов: «Первые книги сочинял, сидя в засаде»

«Оперетта капитана Крутова»

Ксения ПОЗДНЯКОВА

15 января на канале НТВ стартует восьмисерийная лента «Оперетта капитана Крутова». По сюжету, чтобы вжиться в роль героического полицейского, актер Денис Калугин вынужден отправиться на «стажировку» в отдел полиции. Его наставником становится оперативный сотрудник Дарина Филатова, втайне мечтающая о карьере актрисы. Накануне премьеры обозреватель «Культуры» пообщалась со сценаристом фильма, известным российским писателем, автором знаменитых «Улиц разбитых фонарей», «Убойной силы» и «Каникул строгого режима» Андреем Кивиновым.

культура: Понимаю, что Вам не хотелось бы заранее раскрывать интригу, но все-таки, чего ждать зрителям?

Виталий Третьяков: «Рискуйте делать то, за что не берутся другие»

Татьяна МЕДВЕДЕВА

2 января отметил юбилей Виталий Третьяков — журналист, политолог и публицист. Отец-основатель «Независимой газеты», ведущий телепрограммы «Что делать?», декан Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова, а также автор многих остроумных афоризмов поделился с «Культурой» историей своего успеха и размышлениями о российской политике.

культура: Вы стали знамениты в 90-е годы, когда принадлежали к стану либералов. А сейчас выступаете с позиций «левого консерватизма». Как произошла перестройка взглядов?

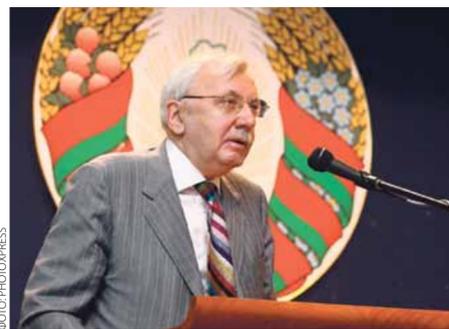

ФОТО: PHOTOPRESS

Оскар Рабин: «Половину своих картин готов отдать Третьяковке»

ПЕВЧАК С БАРНОМ ГАЗЕТАМИ/РИА НОВОСТИ

Юрий КОВАЛЕНКО Париж

Легендарному российскому художнику Оскару Рабину исполнилось 90 лет. В парижской мастерской живописца побывал корреспондент «Культуры».

культура: Девяносто лет — это целая эпоха. Какие в Вашей жизни самые памятные вехи?

Рабин: Жизнь моя, действительно, длинная и событиями богатая... Детство мое советского мальчика было поначалу обычным, мирным, тихим. Жил в центре Москвы в хорошей квартире. Одно из главных потрясений — война и ее последствия. Они никогда не уйдут из моей памяти. Почувствовал себя более устойчиво лишь в 22 года. Тогда же женился на Вале, дочери моего учителя живописи художника Евгения Кропивницкого.

Пропаганда по-черному

Егор ХОЛМОГОВ

Пока в Сети, а скоро и на экранах — главный сериал современности, «Черное зеркало», самый полный список пороков, ожиданий и страхов современного Запада.

Несколько лет назад набор историй о тщете технологий задал новый формат сериала — то была сенсационная антология коротких фантастических рассказов, связанных не общими героями или сюжетом, а исключительно темой и настроением. В случае «Зеркала» речь идет о соотношении человека и гаджетов, технологий переноса сознания в виртуальность и обратно.

С тех пор по этому пути пошли многие, особенно хочется выделить «Электрические сны Филипа Дика», прекрасный антиглобалистский, консервативный, традиционалистский сериал.

Он рассказывает о том, что человек из самого дальнего космоса хочет вернуться на землю, на Юг США, в Каролину (сердце Конфедерации), к старому быту и прозрачному водопаду.

Женщины за гранью
нервного срыва
Не стреляйте в педагога
Это у них сезонное
Тегеран–2018
«Авторское право»

ПУТЕШЕСТВИЕ
НА КРАЙ ЦВЕТА
Владимирская
школа живописи
в ИРРИ

НАШИ ИГРАЮТ
ИСПАНСКУЮ
ЖИЗНЬ
Юбилей знаменитой
экранизации
Лопе де Вега

ИГОРЬ МАЛЫШЕВ:
«Махно должны
были повесить,
но Столыпин
его помиловал»

16 плюс

ISSN 1562-0379

9 771562 037001

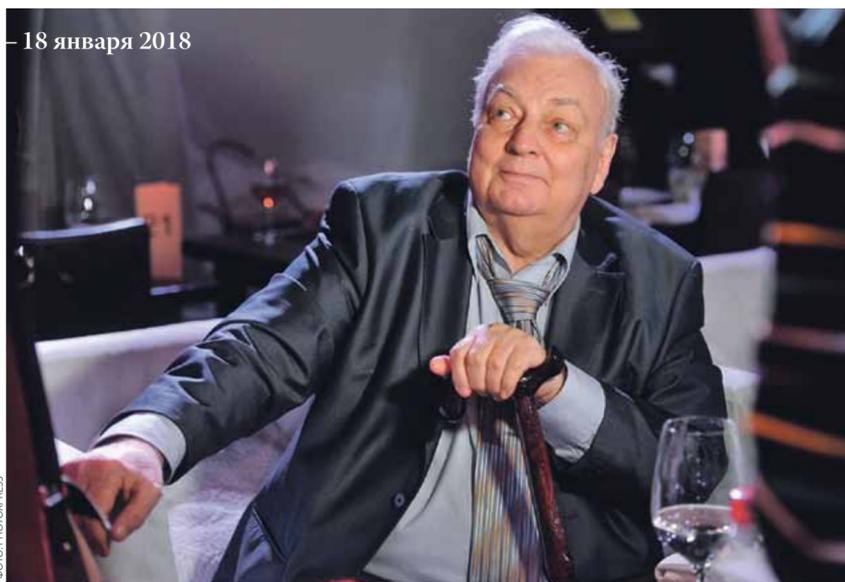
Елена ФЕДОРЕНКО

Не стало народного артиста России Михаила Державина. Актер ушел сразу после новогодних каникул, словно не хотел омрачать празднеств поклонникам, а их — множество: вся страна.

Два года назад поползли упорные слухи о тяжелой болезни актера, судачили, что «прописан» он теперь в госпитале, дома бывает редко, на разговоры не соглашается, телефонную трубку не снимает. Накануне 80-летия, без всякой надежды на успех, позвонила с просьбой о встрече. Михаил Михайлович горько пошутил: «Вы, наверное, думаете, что я в больнице? Нет, сижу на кухне, из квартиры почти не выхожу, так что поговорим в любое удобное для вас время». Беседовали долго. Сетовал на хвори, рассуждая исключительно о творчестве: трудно стало выходить на сцену, но без нее не может и, к счастью, приглашений на творческие вечера не убывает — «от них не отказываюсь». Михаил Михайлович был доброжелателен, не сторонился неудобных вопросов и производил впечатление исключительно счастливого человека. Таким он и запомнится. Ненатужная, лишенная пафоса, искренность. Поразительная открытость. И никакого самонимения — частого спутника жрецов Мельпомены почетных лет.

Искусство сцены он считал высшим делом на земле. Да и как могло быть иначе, если сам рос в театре с малолетства. Ему, как многим мальчикам из крепких надежных семей, казалось, что самое важное — то, чем занимается отец. А отец — тоже Михаил Державин — служил в Вахтанговском. Так же рано, как и театр, в жизни Миши Державина появился Арбат. Для него особенны детство, путаные переулочки, знаменитая Собачья площадка — на всю жизнь оставались одушевленными: с такой поэтической нежностью обычно рассказывают о возлюбленных. Жил в театральном доме, двери квартиры запирались редко. Приходили соседи: Рубен Симонов, Андрей Абрикосов, Виктор Кольцов, Дмитрий Журавлев. Вокруг обсуждали спектакли, рассказывали о коллегах, подхватывали закулисные байки. Потому с самых ранних лет Миша Державин знал, что выйдет на подмостки. Эта определенность позволила избежать внутренних метаний, связанных с выбором профессии. К тому же в отличие от сверстников ему не пришлось менять пространства, приспособившись к незнакомым нравам. Просто — перешел в соседний дом, в Щукинское училище, и окончил его с отличием. Сначала работал в Театре имени Ленинского комсомола, играл много, доставались яркие эпизоды и роли второго плана. Молодого ленкомовца, впрочем, хорошо знали по лихим капустникам в Доме актера. Тогда он почувствовал вкус к юмору, силу афоризмов, счастье импровизации. Потом примкнул к команде Анатолия Эфроса, последовал с ним на Малую Бронную. Через несколько месяцев Андрей Миронов переманил его в Театр Сатиры, ставший судьбой. Прижился там очень быстро. За полвека сыграл много: Скалозуба в «Горе от ума», Бобчинского в «Ревизоре», Епиходова в «Вишневом саде», мольеровского Тартюфа, руководителя самодеятельности в «Маленьких комедиях большого дома».

Всенародное признание подарила «Кабачок «13 стульев». Программу эту знал весь Советский Союз: от

Ода Державину

рабочих до высокообразованных ученых, от студентов до военачальников. Менялись герои и образы, неизменным оставался только пан Ведущий — державинскую проникновенную и лукавую интонацию знали в каждом доме, его заборные песенки напевали повсюду. Страна прикинула к телеэкранам и следила за пересудами героев за вечерним чаем. Главному по «Кабачку» писали восторженные письма, советовали, как выстроить отношения между всегдашними клубами. Неисправимый оптимист и великолепный рассказчик, Державин стал тонким мастером непростого легкого жанра, вел развлекательные передачи «Добрый вечер», «С добрым утром», «Хочу знать», любой концерт с его участием сразу становился событием.

Фильмография артиста сложилась из полусотни лент, из самого известного — «Трое в лодке не считая собаки», «Жених из Майами», «Моя моряхка».

Природа наградила Михаила Михайловича редким даром без-

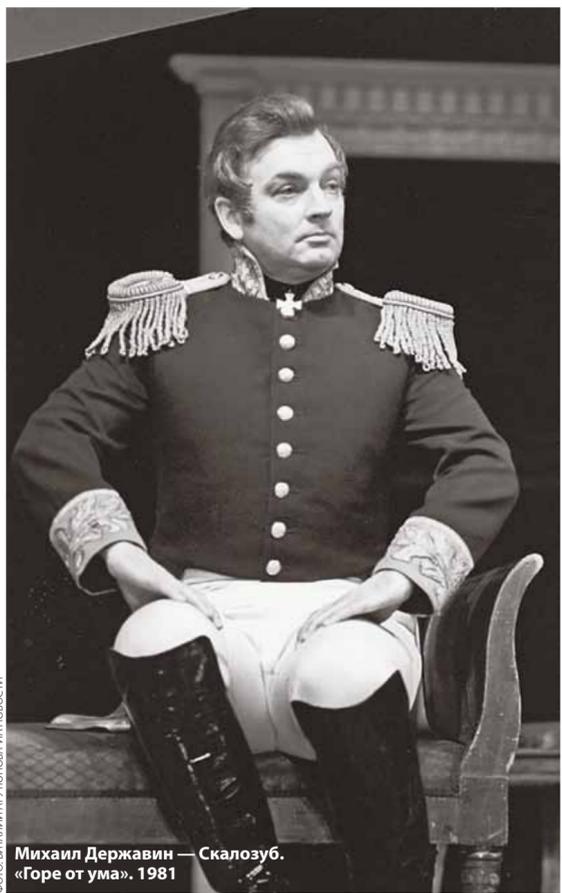
упречной человечности. Он умел дружить. Более семи десятилетий творческого братства с Александром Ширвиндтом — больше, чем родство или сотрудничество. Когда близкий по духу и взглядам на жизнь человек встал у руля Театра Сатиры, Державин ни разу не попросил ни роли, ни привилегий.

Известно, что люди с удочками любят фантазировать и склонны к самоиронии. Державин — рыбак заядлый. «Знаете ли, почему мне нравится рыбачить? С рыбой все по-настоящему, по-честному, с ней по благу не договоришься, улыбка ее не возьмешь». Как замечательно рассказывал о Паскосо, что на Пахре. Правда, от окуней и шук сразу переходил на людей. «Это был Дом отдыха вахтанговцев, бывшее имение графов Шереметевых. Николай Шереметев, кстати, потомок Прасковьи Жемчуговой, остался в России. Он жить не мог без своей жены Цецилии Львовны Мансуровой». И далее — о музыке, ведь экс-граф, скрипач и концертмейстер в Вахтанговском

театре, сочинял мелодии к спектаклям. От Шереметева — к детским воспоминаниям об Оперной студии при Консерватории, рассказы о том, как поражал густой бас Александра Огнивцева и нежнейший голос Веры Фирсовой. «Тогда

Пан Ведущий телевизионного «Кабачка «13 стульев». 1978

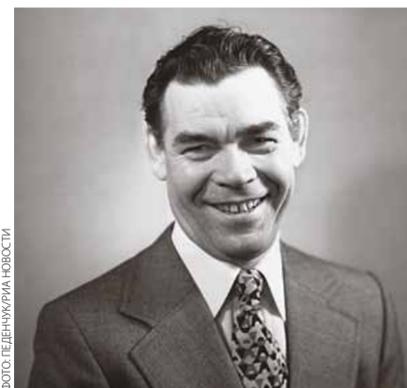

Михаил Державин — Скалозуб. «Горе от ума». 1981

они только начинали, до народных артистов оставалось идти долго». Слушать Михаила Михайловича, его правильную русскую речь казалось невероятным наслаждением.

Еще он умел любить. Трижды был женат. Короткий студенческий брак — с Екатериной Райкиной — распался быстро. Второй — с Ниной Буденной — длился два десятилетия. С каким почтением всегда говорил о великих отцах своих спутниц, как по-рыцарски благородно отзывался о них, даже после расставания. На одной из съемок телепрограммы модного тогда «Артлото» довелось увидеть, какой нежностью Державин окружал Роксану Бабаю. Их роман, подаривший долгое семейное счастье, тогда только разгорался. Так обаятельно, чувственно, целомудренно могли относиться друг к другу только романтики и идеалисты, наполняющие мир любовью. Державин и был романтиком и идеалистом. Их время проходит. Нам остается жить и помнить. Сам Михаил Михайлович, наверное, попросил бы друзей не унывать, прикинул бы одну из своих демократических масок, вздохнул бы мехи аккордеона: «И когда на море качка и бушует ураган...». И обаятельно улыбнулся.

Бас большого СТИЛЯ

Скончался народный артист СССР, выдающийся русский бас Александр Филиппович Ведерников.

Две недели назад он отметил свое 90-летие: немногим суждено перешагнуть этот рубеж, но в отношении Ведерникова взятая «высота» казалась абсолютно естественной. Могучий, широкий, простой, совсем не звездный, мудрый, он, как древний раскидистый дуб, казался вечным, а с ним казались вечными русские певческие традиции, которые, увы, все больше и больше вымываются из нашей культуры, уступая место нивелированному международному евростандарту. Соль земли — это как раз про него, про Александра Филипповича: его глубокий и раскатистый, напевный и выворачивающий душу наизнанку голос — это глас русской песни, русского народа. При великолепной выучке и высочайшем академизме, отточенном в Московской консерватории и на стажировке в миланском «Ла Скала» у легендарного Джанноро Барра, у Ведерникова всегда было что-то исконное, почти фольклорное, от самых глубин и истоков идущее. Россия всегда была богата именными басами, но среди самых великих у Александра Филипповича — свое особое, пожалуй, самое русское место — живая, неразрывная связь с нашим народом, с его душой.

Оттого, наверное, самые лучшие роли певца прозвучали именно в русских операх. Борис, Пимен и Варлаам в «Годунове», Досифей и Хованский в «Хованщине», Князь Юрий в «Китеже», гликинские Сусанин и Руслан, Собакин в «Царской», Мельник в «Русалке», Куззов в «Войне и мире», Борис Тимофеевич в «Катерине Измайловой» — всех и не перечислить. Советскую оперу он исполнял также проникновенно и осмысленно, с физически ошутимой исторической памятью, протягивая в наше время ниточку великой музыкальной традиции. Самые, казалось бы, маловыразительные и клишированные образы в идеологических, «датских» операх у Ведерникова выходили объемными и запоминающимися.

Александр Ведерников — князь Галицкий. «Князь Игорь»

Но при всей русскости невозможно не восхититься его работами и в европейском репертуаре, в котором также было спето немало. Ведь когда-то в Ленинграде он начинал мажорским Лепорелло, привез первую премию с Шумановского конкурса в Германии, а за почти полвека в Большом пел и Россини, и Верди, и Вагнера, и Гуно с Массне. Немецкая вокальная лирика выходила у Ведерникова по-особому весомо — его русская основательность и одновременно очевидная философичность гармонично ложилась, например, на музыкальный космос Баха. Откуда у простого вятского мужика было это сакральное знание, эта прочувствованность, эта невероятная интонация? Удивляться этому можно было только по первости и по незнанию: и от родной земли, от мудрости народной взяв Ведерников немало, и сам добавил многое — чутьем большого художника, умевшего видеть красоту мира и передавать ее в звуках.

Особая страница в биографии певца — сотворчество с Георгием Свиридовым. Ведерников был первым исполнителем его «Патетической оратории», «Петербургских песен», вокальных циклов на слова Бёрнса и Исаакяна. Свиридовские романсы пели многие великие — Архипова, Образцова, Хворостовский — и делали это прекрасно, каждый по-своему, но, пожалуй, ближе всех к пониманию серьезной правды этого неистового вельеска русской души подошел именно Александр Филиппович.

Поразило вокальное долголетие мастера: свою последнюю оперную премьеру он спел — вкусно, ярко, залихватски — когда ему было уже за восемьдесят, и была это не какая-нибудь махонькая роль, а разудалый балагур Сологий Черевич в «Сорочинской ярмарке» Мусоргского. Крепкая вокальная техника, настоящая школа не подводила певца никогда — и он щедро делился своими секретами с молодежью, с энтузиазмом, с горячим желанием передавая бесценный опыт и мастерство тем, кому петь во славу русской оперы в веке нынешнем.

Вопрос не праздный: сумели ли перенять, воспринять ли? Ведь не секрет, что русская басовая традиция сегодня угасает, и нет больше таких голосов, такой манеры, такого стиля пения, какой мы знаем по классическим образцам — Ведерникова, Штокколова, Ивана Петрова, великих басов довоенного поколения. Увы, но «с последним из могикан» Александром Филипповичем, кажется, уходит больше, чем эпоха...

Александр МАТУСЕВИЧ

Наталья СЕЛЕЗНЕВА, народная артистка России: — Я дружила с Мишей почти 47 лет. Помню, мы как-то шли по улице Горького, разговаривали. Державин тогда еще работал у Анатолия Эфроса, а я пыталась убедить его перейти в Театр Сатиры, говоря, что у нас ему будет хорошо. Он еще некоторое время колебался, потому что Эфрос его тоже очень любил. В конце концов решился и влился в труппу. Думаю, он никогда об этом не жалел, потому что театр стал ему родным домом.

Миша очень тяжело болел последние два года, но при этом никогда не жаловался. Относился к своему состоянию терпимо. Старался мыслить позитивно, по-прежнему шутил. То есть не потерял свое великолепное чувство юмора и внутреннее обаяние. По-прежнему разыгрывал меня, ужасно смешно комментировал какие-то вещи. Сейчас жалею, что не записывала все эти прекрасные высказывания.

Он был наделен божественным даром тонкого и красивого юмора, который никогда не отдавал пошлостью. Где бы он ни появлялся и в каком бы состоянии ни был, всегда приносил с собой свою фирменную улыбку. Его все любили. У Михаила Михайловича в принципе не было врагов, потому что он просто не умел их навязывать. Он никого не обижал и не оскорблял, и в этом был весь Державин.

Если говорить о его профессиональных качествах, то он был изумительный актер. Все, что он делал на сцене, было великолепно. Его очень любил Валентин Николаевич Плучек, задействовал практически в каждом своем спектакле. Он был прекрасен в «Кабачке».

Без него наш театр осиротел. Я потеряла очень близкого друга, человека, с которым могла поделиться горестями или радостями, посоветоваться. Мы как-то всегда были на одной волне. У Михаила Михайловича две сестры, а меня они называли третьей — такие у нас сложились отношения. Я еще не верю в то, что Мих Миша больше нет. Это очень нужно принять. Для меня он навсегда останется весенним солнышком.

Владимир ДОЛИНСКИЙ, заслуженный артист России: — Я знал Михаила Державина с детства, наши матери дружили. Он был на семь лет старше и опекал меня. Я восхищался им как актером — никогда не забуду фильм с его участием «Они были первыми». Мне всегда хотелось походить на него, я даже пытался ему подражать. Затем мы встретились уже в Театре Сатиры. Помимо детского знакомства, нас еще объединяло, конечно, «Кабачок «13 стульев». Он был невероятно теплый человек. Мы были в очень тесных отношениях. Я многим ему обязан. Когда я вернулся из лагеря в 1977 году, Державин с Ольгой Аросевой помогли мне остаться в Москве, сделать прописку. Для меня его смерть, может быть, даже более тяжела, чем кого-то из родственников. Очень большая утрата.

Записал Денис СУТЫКА

КУЛЬТУРА

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редактор: Михаил Бударагин

Руководитель направления «Литература и искусство»: Ксения Позднякова

Ответственный секретарь: Александр Курганов
Дизайнер: Наталья Вайнштейн

Адрес редакции: 127055, Москва, ул. Новослободская, д. 73, стр. 1
Рекламная служба, телефон/факс: +7 (495) 602-5200
Печать и распространение: +7 (495) 602-5512, +7 (495) 662-7222
Телефоны для справок: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633
e-mail: info@portal-kultura.ru

Газета распространяется в России (включая Республику Крым и Севастополь), Азербайджане, Беларуси, Грузии, Таджикистане
Общий тираж 40 155

Отпечатано в ЗАО «ПК «ЭКСТРА М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, г. Красногорск, а/д «Балтия», 23 км, вл. 1, д. 1. Заказ № 18-01-00021
Подписано в печать 11 января 2018 г., по графику: 20.45, фактически: 19.20

«Филатов-фест» ищет таланты

Продолжается прием заявок на участие в IV Всероссийском фестивале молодой поэзии имени Леонида Филатова «Филатов-фест-2018».

«Филатов-фест» — конкурс молодой, но влиятельный. Стихи финалистов и победителей публикуются в заметных периодических изданиях: «Независимой газете», «Мире новостей», «Литературке», еженедельной рубрике «Дежурный поэт» дайджеста «Metro», в сборниках «Часовые памяти» и «Площадь Революции».

«Филатовцы» — постоянные участники Всероссийского фестиваля драматургии, режиссуры и сценографии «Сухановка», Гумилевского форума в Переделькино, Всероссийского фестиваля молодежной поэзии «Мцыри», образовательного молодежного форума «Таврида». Также они регулярно становятся гостями авторской программы Влада Маленко на радио «Культура» — «Гвозди напрокат».

Продвижение молодых поэтов, обеспечение им социального лифта, по словам организаторов, одна из основных задач смотря, его особенность, отличающая его от других поэтических конкурсов. Примечательно, что и судить будут профессионалы: в составе эксперт-

ного совета Игорь Волгин, Евгений Рейн, Елена Исаева, Анатолий Белый, Алена Бабенко, Евгений Маргулис, Александр Яценко, Леонид Каневский и другие известные персоны. Присутствие актеров не случайно — наиболее талантливые и активные конкурсанты получают приглашение в «Московский театр поэтов Влада Маленко» в качестве авторов, артистов, драматургов, режиссеров, а чаще — всех сразу.

Экспериментальная площадка, появившаяся в 2014 году, сегодня одна из самых ярких и свободных. Спектакли, созданные силами пишущей молодежи, — «Площадь Революции, 17», «Небо Победы», «Контрабасни», «Я маленький», уже нашли свою благодарную публику и постоянно привлекают новых поклонников.

Применение заявок на участие в фестивале продлится до 28 февраля 2018 года включительно. Пройти конкурсный отбор сможет любой человек в возрасте от 18 до 35 лет, пишущий стихи на русском.

После предварительного отбора будет сформирован шорт-лист из сотни фамилий, его огласят на пресс-конференции, посвященной открытию фестиваля. Отборочные туры пройдут в Московском Доме книги на Новом Арбате. Финал состоится на Таганке — родной сцене народного артиста РФ Леонида Филатова.

Нас разделяющий экран

Андрей РУДАЛЕВ

1 Старая русская забава — спор консерваторов и сторонников перемен — раньше касалась литературы, большого кино или театра, определяя, какое именно из искусств является главным. Где ведется дискуссия, там и жизнь: трудно представить себе, чтобы сегодня в литературе бушевали такие же страсти, как при молодом Пушкине. В 2018-м общество спорит о телевидении. Соответствует ли оно духу времени? Не пора ли обновиться?

Ключевым объектом негодования в праздничные дни снова и снова становится именно сетка вещания телеканалов. Люди давно уже не вырезают из газет программу передач, не отменяют кружками важное для просмотра. Теперь работает инстинкт потребителя: экран — как супермаркет: товара много, кругом ярко, пестро, но не хватает натурального, поэтому выбирать лучше проверенное, особое внимание обращая на срок годности.

В этом году «новаторы» пошли в атаку, они потребовали сменить формат, пригласить молодых и талантливых писателей, что телевизионщики застыли в прошлом. Житель Ростова-на-Дону Вадим Манукян, например, даже выступил с обращением к руководству телеканала «Россия 1», чтобы оно потрудились изменить сетку вещания, ведь существующая, по его мнению, никого не удивляет. С ним согласны почти 150 тысяч человек. Много это или мало?

На первый взгляд — капля в море. Цифры говорят о том, что новогодние консерваторы пока в большинстве. По данным Mediascore, именно традиционный шоу на «России 1», «Новогодний Голубой огонек-2018» взяло рейтинговую пальму первенства, обставив программу Первого канала, где как раз пытались экспериментировать, привлекать новые лица и записывать номера не в студийных условиях, а на московских улицах. Но и «Новогоднюю ночь на Первом» смотрели активнее, чем в прошлом году. Доля зрителей составила 23,4 процента (для сравнения: в 2016-м — 20,4).

Если обратиться к рейтингу новогоднего обращения президента РФ в этом году, то на Первом канале он составил 15,1 процента, на «России» — 12,5.

А в первую неделю 2018-го каналы соревновались в заурядности. «Юмор года» соседствовал с «Угадай мелодию», рядом

с концертами стояли «Кавказская пленница» и «Марья-искусница», «Аншлаг» разбавили новостями и старыми сериалами.

Парадокс: и хочется перемен, и хорошо бы оставить все, как есть. У жителя Ростова-на-Дону, написавшего гневную петицию, сторонников хватает — его крик души обсуждается в Сети широко, став частью долгой дискуссии о советском наследии. Что нам с ним делать? Как обустроить общество, чтобы двигаться вперед, ничего не разломав по дороге?

Отношение к праздничной эфирной сетке отчасти дает ответ на эти вопросы. Телевизионный Новый год — это классическая, как оливье, «Ирония судьбы». Сельдь под шубой — «Чародеи», салат с крабовыми палочками, бутерброды с красной рыбой и икрой — комедии Гайдая и Рязанова, мясная нарезка — меньшовская «Ширли-Мырли». Газировка «Советского шампанского» — «Голубой огонек». До горячего сложно досидеть, не говоря уж о десерте. От стола много остается, и подбедается это во все последующие дни, например, под заморских «Васстелинов колец» и долгоиграющие истории про Гарри Поттера и Шерлока Холмса. Чтобы все эти праздничные яства не портились — минимум политики.

В России под застолие сложился определенный новогодний канон. Наше телевидение технически — уже западное (рейтинги, программы, «звезды», мы многое прямо копируем), по духу — еще советское («семейное смотрение» зародилось раньше 91-го года), а формально — слышим внешне идеологичное, развлекательное, и легкое, чтобы соответствовать статусу главного культурного феномена. Стыдно спорить об Алле Пугачевой и Филиппе Киркорове, но приходится.

Но на самом деле основные претензии связаны не столько с постаревшими кумирами, сколько с ожиданием современной новогодней классики, которая бы преобразила праздничный канон, чтобы зазвучал «Jingle bells» на свой новый и особый лад, чтобы нашлась замена и «Иронии судьбы», и «Ивану Васильевичу». Сегодня старые почти доели, а нового не приготовили.

И разве речь идет только о телевидении? Оно просто стало самым ярким воплощением той ситуации, в которой оказалась российская культура в целом. Новое — страшно, но жить по-старому все труднее.

С новым счастьем?

Екатерина САЖНЕВА

За последние три года индекс личных ожиданий россиянина вырос на 27 пунктов и поднялся с 37 до 64 процентов: таковы результаты предновогодних опросов. Страна ждет счастья. И связан этот оптимизм не только с тем, что многое действительно меняется к лучшему. Дело в «позитивном мышлении», новой для наших широт моде. Она, как и любое поветрие, требует внимательного разбора.

Эту статью, которая будет опубликована только после праздников, я пишу в новогоднюю ночь — за окном взрываются петарды, а радостные ведущие сразу по всем программам настаивают на том, что все вокруг должны веселиться. Социологи, конечно, правильно выбрали время для опроса: ожидания в последние числа декабря — дело святое.

Но мы знаем: праздник заканчивается, жизненный опыт говорит о том, что после чудесного и двухнедельного ничегонеделания общество накрывает неотвратимая постновогодняя депрессия — от неоправданных ожиданий и несбывшихся надежд. Свообразный эмоциональный откат. Почему так происходит? Как бороться с хандрой? И нужно ли вообще ей противостоять?

К сожалению, именно модный тренд, обязательное позитивное мышление — не думать о плохом, верить исключительно в хорошее и мыслить только хэппи-эндами, нередко и делает нас такими несчастными.

«Люди очень часто говорят, что начнут худеть с понедельника, а новую жизнь — с чистого листа. Они даже искренне верят в то, что так и будет. Однако год заканчивается, наступает новый, а ничего не происходит. И настроение снова скатывается к нулю... Лист-то белый, только почерк — не изменился», — поясняет Марина Петраш, тренер Московского института гештальта и психодрамы.

Виртуальный рай земного ада

Специалисты склонны считать, что нарочито, показное ожидание счастья — дань социальному окружению, которое требует соответствовать определенным моделям.

«Мы все очень сильно зависим от чужого мнения, некоего общественного подсознательного, а оно в свою очередь состоит из каких-то давно сформированных штампов и табу, — считает Мария Дьячкова, семейный психотерапевт, директор тренинг-центра, консультант «телефона доверия». — Очень многие люди в угоду другим зачастую загибают свои реально существующие проблемы в подсознание. До поры до времени. Но рано или поздно силы сдерживания заканчиваются, и все возвращается».

Так, например, психологи крайне не рекомендуют подолгу рассматривать чужие профили и фотографии в соцсетях. На самом деле ничего хорошего для психики снимки счастливых друзей на фоне песчаных пляжей и дорогих машин не не-

сут. Далеко не факт, что все избранные на чужих снимках — правда.

Вот, скажем, поучительная история 32-летней Евгении. «Мой молодой человек еще за два месяца до прошлого Нового года предложил мне поехать вместе на море. Это было как в сказке... Но уже в процессе подготовки стало понятно, что праздник мы видим по-разному, как, наверное, и нашу дальнейшую жизнь, — вздыхает Женя. — Увы, сдавать билеты оказалось поздно из-за огромных штрафов и неустоек — и вот мы оба, я, простуженная, с хлопаящим носом, он тоже с целым списком претензий ко мне, все-таки отправились вдвоем».

В тот же вечер девушка с молчаливого согласия бывшего кавалера, снявшего для их тура виллу на берегу, сбегала в соседний дешевый отель. Однако ужинать они все равно приходили в один и тот же ресторан, по привычке сядили за общий столик, утыкались каждый в свой в планшет. Фактически чужие люди, которым вид друг друга тошен. Но публика требовала зрелищ, и в новогоднюю ночь Женя и ее бывший парень попытались угодить окружающим, попросили официанта снять их медленный танец, а также сделали пару селфи. Это было похоже на осточертевшие съемки фильма «дубль семнадцатый, сцена 15», — танцуем...

Счета были уже раздельные — но фотографии, выложенные в открытый доступ и тут же получившие сотни лайков, общи. «Сразу после возвращения мы навсегда разбежались. Все, что напоминает о том кошмарном путешествии, — это прошлогодние снимки, которые услужливо подсовывает мне «Фейсбук», — горько усмехается Женя. — Почему я притворялась? Ради кого или чего?»

Бывает, что все заканчивается трагедией. Так, в конце прошлого года страну потрясла история Дмитрия и Маргариты Грачевых из подмосковного Серпухова. Мужчина вывез свою бывшую жену за город и якобы за измену отрубил кисти рук. При этом на их страницах в соцсетях — сплошные благостные снимки и признания в любви. Зачем?

Причем чем хуже у наших героев жизнь, тем с большим усердием они стараются доказать другим обратное. Заставить себя быть счастливым. «В нашем обществе не очень приветствуют тех, кто любит жаловаться, — продолжает Мария Дьячкова. — Кажется, все готовы тебя поддержать, но стоит начать распространяться о своих бедах, как тут же в ответ тебе предложат не принимать ничего близко к сердцу. Выслушай человека, а толку? Причина кажущейся черствости довольно проста, только представьте себе, что это на вас кто-то «вываливает» свои проблемы: самого трудностей выше крыши, а тут еще и чужие разгребать. Но вместо того, чтобы честно признаться: не надо мне ничего рассказывать, проще заткнуть жалящегося: живи позитивно! На самом деле ничего хорошего для психики снимки счастливых друзей на фоне песчаных пляжей и дорогих машин не не-

Если кому-то покажется, что описанное выше — столичные проблемы, стоит вспомнить, что «Одноклассники» и «ВКонтакте», две самые популярные среди россиян социальные сети, доступны на всей территории страны, и демонстрация «счастливой жизни» там выглядит так же уродливо и удручающе.

Радость по расписанию

Раньше подобных трудностей было меньше. Депрессия и завышенные ожидания — новый для человечества сюжет. «Сегодня действительно мало физической работы как таковой. Остается больше времени и сил на искусство, посещение театров, выставок, а также на выяснение взаимоотношений. Наступает даже некое горе от большого ума, которому люди старательно и настойчиво пытаются найти применение, порой самым нелепым и неподходящим образом», — разъясняет Марина Петраш.

Горожане, особенно занятые в сфере интеллектуальной деятельности, усленно тратят свое время и деньги на то, что

просто сильнее хотим верить в чудеса. Хотя советы Татьяны можно найти в любой книжке по психологии. «Правильное мышление — это мышление позитивное. Если вы научитесь мыслить в правильном ключе, то жизнь ваша вскоре волшебным образом переменится. Вычеркните из лексикона фразы «я не могу», «я не умею», «у меня не получится». И просите у Вселенной все, что хотите, и если попросите правильно, она вам это обязательно даст. Если же не дает, выходит, просим не так?»

Впрочем, любые сомнения в том, что ее метод может не сработать, Татьяной отменяются. Сомневающиеся изгоняются. Так с треском из нашего мастер-класса вылетела ученица, вступившая в дискуссию с гуру. Девушка посмела предположить, что когда болит голова, то нужно не просить Вселенную о помощи, а выпить таблетку, если ничего не изменилось — обратившись к врачу.

«Не все зависит от нашего восприятия. Нельзя извлекать опыт из болезни, нужно ее просто попытаться вылечить. Если у человека все объективно плохо, а

Горожане, занятые интеллектуальным трудом, тратят деньги на то, чтобы их научили радоваться жизни

ему — все равно хорошо, то это тоже ненормально. Внешний мир и наше его субъективное восприятие должны находиться в балансе. Если же у вас нет работы, здоровья, друзей, недостаточно только надеяться на милость Вселенной, нужно самим исправлять ситуацию», — это было последнее высказывание забавной «диссидентки».

В конце бесплатной недели курса Татьяна предложила продолжить занятия уже на коммерческой основе и купить ее учебник по самосовершенствованию. После чего вопросов к ней у меня больше не возникло.

«Коучинг на самом деле — это неплохо. Он снабжает определенным набором действий, своеобразным пошаговым алгоритмом. Что следует делать и как поступать, чтобы получить то-то и то-то. И если у человека нет каких-либо серьезных непереносимых проблем, то это вполне может сработать, — считает Мария Дьячкова. — Там, где психотерапевт нередко предлагает подумать, искать пути выхода, коучинг работает этаким будильником. Но, с другой стороны, все, что лежит не в сфере поведения, поступков, а в самой природе человеческой психики, ему неподвластно».

А тут еще тренеры обещают научить простым приемам, чтобы жизнь, как в детстве, вновь заиграла красками.

«Думайте только о хорошем, а все плохое отменяйте, негатив, злобу, проблемы — и вы увидите, как жизнь начнет меняться сама собой», — приглашает на бесплатный семидневный тренинг 40-летняя коуч Татьяна. На фотографии, которую гуру присылает перед началом занятий, она со своими тремя детьми. «Счастливая жена и мать. А помощь окружающим — это из разряда моего хобби, девочек, — ласково уверяет она.

Среди слушателей действительно много представительниц прекрасного пола. Мы вообще как-то более внушаемы. Или

просто сильнее хотим верить в чудеса. Хотя советы Татьяны можно найти в любой книжке по психологии. «Правильное мышление — это мышление позитивное. Если вы научитесь мыслить в правильном ключе, то жизнь ваша вскоре волшебным образом переменится. Вычеркните из лексикона фразы «я не могу», «я не умею», «у меня не получится». И просите у Вселенной все, что хотите, и если попросите правильно, она вам это обязательно даст. Если же не дает, выходит, просим не так?»

Впрочем, любые сомнения в том, что ее метод может не сработать, Татьяной отменяются. Сомневающиеся изгоняются. Так с треском из нашего мастер-класса вылетела ученица, вступившая в дискуссию с гуру. Девушка посмела предположить, что когда болит голова, то нужно не просить Вселенную о помощи, а выпить таблетку, если ничего не изменилось — обратившись к врачу.

«Не все зависит от нашего восприятия. Нельзя извлекать опыт из болезни, нужно ее просто попытаться вылечить. Если у человека все объективно плохо, а

ему — все равно хорошо, то это тоже ненормально. Внешний мир и наше его субъективное восприятие должны находиться в балансе. Если же у вас нет работы, здоровья, друзей, недостаточно только надеяться на милость Вселенной, нужно самим исправлять ситуацию», — это было последнее высказывание забавной «диссидентки».

В конце бесплатной недели курса Татьяна предложила продолжить занятия уже на коммерческой основе и купить ее учебник по самосовершенствованию. После чего вопросов к ней у меня больше не возникло.

«Коучинг на самом деле — это неплохо. Он снабжает определенным набором действий, своеобразным пошаговым алгоритмом. Что следует делать и как поступать, чтобы получить то-то и то-то. И если у человека нет каких-либо серьезных непереносимых проблем, то это вполне может сработать, — считает Мария Дьячкова. — Там, где психотерапевт нередко предлагает подумать, искать пути выхода, коучинг работает этаким будильником. Но, с другой стороны, все, что лежит не в сфере поведения, поступков, а в самой природе человеческой психики, ему неподвластно».

А тут еще тренеры обещают научить простым приемам, чтобы жизнь, как в детстве, вновь заиграла красками.

«Думайте только о хорошем, а все плохое отменяйте, негатив, злобу, проблемы — и вы увидите, как жизнь начнет меняться сама собой», — приглашает на бесплатный семидневный тренинг 40-летняя коуч Татьяна. На фотографии, которую гуру присылает перед началом занятий, она со своими тремя детьми. «Счастливая жена и мать. А помощь окружающим — это из разряда моего хобби, девочек, — ласково уверяет она.

Среди слушателей действительно много представительниц прекрасного пола. Мы вообще как-то более внушаемы. Или

ном ключе. И это ведет к саморазрушению. Ведь невозможно быть счастливым принудительно — как в концлагере. Человек имеет право и на страдания, да и вообще на любую смену настроения.

«Думать всегда и обо всем хорошо — значит обманывать себя. Если уж искать здесь какой-то абсолютный принцип, то следовало бы сказать, что все всегда нейтрально — никак, ни хорошо, ни плохо, — размышляет Сатов. — Не существует универсального добра и не существует универсального зла. И пока человек этого не понимает, он находится на ранней стадии развития сознания, с которой весь мир предстает перед ним в черно-белом свете. А попытка из чего-то, по своей сути нейтрального, вытянуть какую-то позитивность — это тот самый обман, который рано или поздно, но обязательно приведет к болезненному или даже разрушительному осознанию правды».

«К сожалению, новое поколение выросло с ощущением, что мир вокруг существует исключительно для того, чтобы удовлетворять их потребности. И нередко, даже вырастая, такие люди сохраняют некоторое мистическое мышление. «Я — все могу». Пока это высказывание однажды не разбирается вдребезги о реальности, — говорит Марина Петраш, — ребенок ведь тоже все «может» до известного предела. После которого он понимает, что он не волшебник. И подобные сильные разочарования, как детские инфекции, лучше пережить в юном возрасте. Потому что детская психика гибка и способна адаптироваться ко многому. Прийти к такому выводу уже во взрослом возрасте — настоящая трагедия. Отсюда множество депрессивных состояний при первых же жизненных трудностях, демонстративные попытки суицида. «А! Вот как я сейчас все всех напугаю», — это же ведь тоже поведение ребенка».

«Если душа врет на части от боли, то, сколько себя ни уговаривай, что все к лучшему, никакое лучше не наступит, пока человек не встретится лицом к лицу со своей болью. Попытка противопоставить позитивности имеющимся болезненным переживаниям — это опасный и разрушительный самообман. Если боль есть, если чувства говорят: что-то идет не так, если на душе кошки скребут, если совесть не дает покоя, то ни в коем случае нельзя от этого прятаться. Потому что нет более надежного способа спустить свою жизнь в унитаз, чем потратить ее на убеждение от самих себя», — уверен и Олег Сатов.

В жизни никогда не бывает все хорошо. Это минус. Но и совершенно плохо, по счастью, тоже бывает крайне редко. Это плюс.

«Я бы в данном контексте использовала все же термин не депрессия, а подавленное настроение, — уверена Мария Дьячкова. — Депрессия не привязана к какому-то конкретному событию в календаре. Так же, как, например, послеродовая депрессия — это чисто гормональный процесс. После длительных праздников нередко случается некий эмоциональный откат. Мы так ждали Новый год, верили в чудо, что наша жизнь изменится к лучшему, — и ничего! Происходит разочарование праздником».

«Любые значимые даты связаны с кризисом. Это не плохо и не хорошо, это просто рубеж. Чтобы появилось что-то новое, старое должно быть разрушено. И это возможно только при непосредственной участии самого человека. Сама по себе календарная дата ничего не изменит. И очень жаль, что иногда люди придают одной лишь календарной дате слишком большое значение, исключая из процесса самих себя. От этого и хандрят. А хотите избавиться от хандры — подкачайте тело и начинайте что-то делать», — объясняет Марина Петраш. По ее мнению, русский народ — чрезвычайно деятельный и зимовый просто так у пещки не сидел. Коньки, лыжи, санки, а если снега нет — просто мастерить что-то долгими зимними вечерами: «Когда вы реально видите результат своего труда, вещи, сделанные собственными руками, то понимаете, что можете что-то поменять и в своей собственной жизни тоже».

Удивительно, но это работает.

Главным украшением новогоднего стола, помимо оливье, всегда был телевизор. Однако последние несколько лет праздничная сетка вещания оставляет желать лучшего, зрители даже написали петицию, требуя изменить привывший формат. А лично Вы смотрели новогодний эфир?

Результаты голосования на сайте газеты «Культура»

Конечно. Традиции нужно уважать. К тому же каждый раз искренне надеюсь, что станет лучше	10%
Нет. Надоели одни и те же артисты и старые фильмы. Послушали поздравление президента и выключили	51%
Смотрел по привычке. Надо же, чтобы фоном что-то работало	24%
У меня вообще «ящика» нет. Давно избалован от этого пережитка прошлого	15%

Виталий Третьяков:

«Рискуйте делать то, за что не берутся другие»

1 Третьяков: Конец 80-х и начало 90-х — это время всеобщего романтического отношения к демократии. Тогдашнее советское руководство демонстрировало крайне неуспешную политику, все рушилось буквально на глазах. Мы смотрели на альтернативные фигуры, собравшиеся вокруг Ельцина, на Егора Гайдара и его экономическую команду. Я этих людей практически всех знал лично, со многими тогда дружил. Доверял им, не обладая на тот момент достаточным политическим опытом. Думал: раз они называют себя экономистами и берутся за реформы — значит, знают, как сделать экономику более эффективной.

культура: Но получилось как в Вашем афоризме: «Вместо желанной невидимой и изящной руки рынка мы получили вполне зримую и волосатую лапу?»

Третьяков: Представьте такую ситуацию. Мне нужно куда-то приехать, и я ловлю машину. Подъезжает такси: шашечки, надписи «Такси», счетчик — все как полагается. Сажусь, водитель в фирменной фуражке, я называю ему адрес. А когда мы едем, оказывается, что он не умеет водить машину, не знает улиц Москвы и увез меня в неизвестном направлении. Разве может нормальный человек представить себе такую ситуацию? Примерно так проводились у нас экономические реформы. Но, несмотря на этот тяжелый опыт и разочарование, по-прежнему считаю себя демократом. Либеральные ценности мне близки, но только в том случае, если они не рвут естественные, традиционные ценности общества, а совершенствуют их в ситуации сегодняшнего дня.

культура: Ваша программа «Что делать?» стала настоящей энциклопедией русской мысли, через которую прошли многие современные интеллектуалы. Что значит для Вас этот проект?

Третьяков: Программа родилась в 2001 году. Тогда на нашем телевидении не было такого изобилия политических ток-шоу, как сейчас. Создавая «Что делать?», хотел привести в разговор нескольких собеседников на экране телевизора интеллектуализм и неспекулятивный, свободный от сиюминутной политической борьбы разбор актуальных проблем. В одну из первых программ пригласил митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, нашего нынешнего патриарха. За прошедшее время ее участниками стало множество политологов лучшего качества, академиков, специалистов в своем деле, а не «записных пропагандистов», выступающих за ту или иную платформу. Сейчас таких расплодилось много. И они часами просят штаны на сегодняшних ток-шоу. Телевидение — это, как я написал еще в 1999 году, политическое ядерное оружие. Им нужно уметь пользоваться. Привнесение в это «ядерное оружие» стратегии, а не текущих драг, пусть и очень важных, мне представляется важным и наиболее интересным.

культура: Вы как-то сказали: «Философские пароходы надо отправлять в кругосветное путешествие». Есть ли у нас сейчас интересные философы, а также — концепты, образы будущего? Что происходит с общественной мыслью?

Третьяков: Политических мыслителей в настоящем смысле слова не хватает. И на телевидении не все могут проявить себя. Есть люди, которые замечательно пишут, а на экране выглядят «никак». У телевидения своя специфика.

Выдающимся политическим мыслителем считаю патриарха Кирилла. Был таким и Евгений Примаков. Ценю как философа Александра Дугина, а как политолога — Андраника Миграняна.

К сожалению, многие эксперты пользуются в политическом анализе западными моделями, теориями, терминологией, стандартами. Люди привыкли жить по западным интеллектуальным лекалам и мало что предлагают сами. Считаю, что это гигантская проблема — постоянное оглядывание на Запад, нежелание развивать, пестовать и культивировать собственную общественную мысль. У нас и думают в основном западных мыслителей, порой второго и третьего ряда. А

из наших — только умерших: по большей части славянофилов и некоторых философов начала XX века. Нам нужно развивать свою общественную мысль, тщательно отбирая авторов — отделяя оригинальных от спекулятивных. Мечтал бы к этому приложить руку.

Я преподаю теорию журналистики, создал Высшую школу телевидения МГУ и написал несколько учебников. В российских вузах во главу угла ставятся западные теории журналистики. Я это считаю несправедливым исторически и неправильно практически. По этому своим студентам излагаю и классические западные теории журналистики — либертарианскую, авторитарную, теорию социальной ответственности, но также и марксистско-ленинскую. Убеждаю: «Читайте статьи Ленина, и вы увидите, что очень многое совпадает с тем, что мы видим реально сегодня». Чтобы понять, что представляет собой журналистика и СМИ в наши дни, нужно взглянуть на эту систему с позиций разных теорий. Тем более что общественные науки — как правило, неточные, часто очень субъективные и даже спекулятивные. Это же не ядерная физика.

культура: России важно идти своим путем, а не просто что-то перенимать у Запада?

Третьяков: Дело в том, что мы часто заимствуем у Запада то, что не подходит для России. В частности, политическую конструкцию, которая у нас есть. Парламент должен

форме образования, которая велась начиная с 90-х годов, и только сейчас ее пытаются останавливать — вся эта Болонская система и прочее. Или вот навязывается толерантность. Нормальный человек не может быть толерантен к тому, что ему противно и противоестественно. Для меня это очевидная вещь. Но в нынешних условиях это почему-то нужно доказывать. Происходит разрушение традиционной семьи, которая и так переживает кризис. А ее еще специально пытаются уничтожить — абсурдом с однополовыми браками. Или пробуют ввести ювенальную юстицию, против чего я категорически возражаю. Мы видим, как это порой калечит конкретные че-

лодой журналист должен постепенно по этим ступенькам подниматься. До третьего уровня редко кто добивается. Но если это случается — это и есть настоящий успех.

культура: Звучит одновременно и легко, и сложно.

Третьяков: Вот еще простой совет: рискуйте делать то, за что не берутся другие. Часто кажется невозможным что-то сделать — ситуация не та, обстоятельства не та и сил нет. И все об этом говорят. А вы попробуйте. И это будет замечательно. В свое время, когда «Московские новости» начали терять популярность, не поспевав за событиями, я предлагал Егору Яковлеву трансформировать издание. И всякий раз он эти варианты отвер-

Нам надо выучить этот урок: «Чья система образования — того и власть»

ловеческие судьбы — и детские, и родительские.

Традиционные представления о семье, образовании отвергаются и заменяются по каким-то причинам на новомодные. А ведь у нас была, например, прекрасная советская система образования, доказавшая свою эффективность успехами и достижениями в науке.

Нам нужно выучить этот урок: «Чья система образования — того и власть в политическом смысле слова». Непонимание этого простого и очевидного факта — вредно и губительно для страны. И можно это расценивать как национальное предательство, по недомыслию или сознательно совершенное.

культура: Приведу еще один Ваш афоризм: «На лестнице предательства все ступеньки ведут вниз». Но есть и другой путь — личного успеха. Как его добиться?

Третьяков: Могу лишь дать несколько рецептов профессионального успеха. Они изложены в моем учебнике «Как стать знаменитым журналистом» и строятся как на практическом опыте, так и на теоретических знаниях. Я говорю студентам: есть вещи, которые вы должны делать не хуже других в профессии. Это ремесло, первый уровень. Второй уровень — мастерство: какие-то вещи вы должны делать гораздо лучше других. И третий уровень можно назвать гениальностью, если бы мы говорили о литературе. Но журналистика — профессия не для гениев, она слишком массовая. Нужно уметь что-то делать так, чтобы другие даже не понимали, как это у вас получается. Вот такие этапы. Мо-

«неправильные». Только в рутинном труде можно узнать всю систему с лучших и худших сторон. В устоявшемся, пусть даже и прокисшем, бульоне нужно повариться. И не пропустить момент, когда из него пора выскочить. Это интуиция, чутье. Ну и способности, конечно.

И вот еще несколько моих рецептов — без всяких комментариев: говорите и пишите меньше, чем знаете; знайте больше, чем пишете и говорите. Не впадайте в сверхмерный цинизм. Это хоронит трамплин, но только для одного прыжка. Работайте больше других, но не за других. Не навязывайтесь сильным мира сего, но станьте среди них своим. Судите свои тексты суровее, чем тексты других. Но не вслух.

культура: Чего Вы ждете от 2018 года — в частной жизни и в судьбе страны?

Третьяков: Моя частная жизнь — устоявшаяся и достаточно благополучная. Планирую возобновить работу над третьим томом воспоминаний, где я рассказываю о себе, России, обществе, Москве, журналистике. Многие детали и подробности важно зафиксировать, переложить на бумагу и донести до аудитории. Планирую написать новую книгу о Владимире Путине. Первая вышла в 2005 году.

А чего хочу для России? Я многократно об этом говорил во многих телевизионных дискуссиях. Во внешней политике я в целом поддерживаю нынешний курс. Но при этом меня многое не удовлетворяет в сегодняшней реальности. Более всего меня не устраивает экономическая ситуация. И я надеюсь, что Владимир Путин во время своего нового президентского срока радикально изменит экономическую политику. А это связано с перестановкой кадров в руководящих органах исполнительной власти, прежде всего в правительстве. Нужно не только рутинно выполнять свои обязанности, но только инфляцию «таргетировать», но и ввязаться за то, за что никто другой пока не брался. Невозможно в самой богатой по природным ресурсам стране мира видеть, как миллионы людей существуют на краю бедности или за чертой бедности. И постоянно вынуждены сравнивать свой уровень жизни с уровнем жизни заштанованных западноевропейских стран, почему-то сумевших обеспечить своим гражданам высокое потребление материальных благ. Так что от 2018 года жду радикальных перемен в кадровом составе исполнитель-

тельной власти, жду новой экономической политики. На мой взгляд, это неизбежно должно случиться, иначе мы впадём в новый кризис, в том числе и психологический, поскольку многие люди устают жить на грани прозябания. А этого не должно быть.

культура: Вы славитесь блестящими афоризмами. Есть что-то новое?

Третьяков: Сейчас как раз готовлю к печати книгу моих афоризмов. В нее войдет до сотни еще не опубликованных.

Валерий Расторгуев:
«Сейчас нужны стратегии, объединяющие весь народ»

Татьяна МЕДВЕДЕВА

Сегодня спор об образе будущего России, идентичности и путях развития страны ведут политологи, историки, публицисты. «Культура» попросила Валерия Расторгуева, профессора философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, рассказать о том, как и ради чего ведется эта важнейшая полемика.

культура: Удастся ли современным интеллектуалам сформулировать образ будущего России? Каков он, на Ваш взгляд?

Расторгуев: Дети не боятся заглядывать в будущее: они не знают, что такое «утопия». Это словечко специально изобретено взрослыми и осторожными людьми и используется как бирка: «Вход запрещен». Начнем с того, что образ будущего — всегда утопия или антиутопия, прогноз, который создается для того, чтобы все поняли, какую цену они заплатят за сделанные ошибки при выборе курса. Генеральный конструктор Евросоюза Рихард Куденхове-Калерги, который задумал это надгосударственное образование еще после Первой мировой войны, чтобы не допустить Второй, истребительной, писал в своей книге «Пан-Европа» в 1923 году, что построение ЕС все назовут утопией и будут правы. И действительно, если проект поддерживают сотни тысяч людей, он останется лишь на бумаге. Но если число сторонников увеличится до десятка миллионов, он превратится в стратегию, причем осуществимую. Когда же проект объединит сотни миллионов европейцев, то станет реальностью. Так и случилось.

Для нас сегодня важно не потерять Россию, которая еще недавно была на грани утраты суверенитета. А все хорошо знают, что такое государство без независимости: вспомните, во что превратилась та же Украина с утопической псевдоисторией о цивилизации древних укров. Сейчас нужны не только продуктивные идеи, но и стратегии, объединяющие весь народ, большие идеи-императивы. С этим действительно туго.

культура: Какие интересные события в философском сообществе были заметны в прошедшем году?

Расторгуев: Во многом 2017-й был запрограммирован возвращением революции. А философское сообщество — такие же люди, как и все остальные, но склонные разве что чуть больше прочих поговорить. И наговорились за год мы всласть. По итогам скажу, что революции объединяют, но только участников бесчисленных, посвященных им конференций, которые вместе сидят, дружно едят на перерывах и банкетах, по привычке никогда и ни в чем не соглашаясь с коллегами. У каждого хорошего профессора должна быть своя революция! Никто и никогда не лишит нас этой привилегии.

Революция, как бы ее ни старались переименовать или переименовать, вернуться к нам на этот раз, по счастью, лишь столетней датой-бабушкой. Но и в таком виде она навела шороху по всей планете, затмила собой или подчинила себе почти все прочие события, парализовала волю публичных политиков, которые думали только о том, как пережить роковой семнадцатый. Даже массмедиа и «деятели искусства» поджали хвосты и всячески отвлекали публику от главных вопросов, которые поставила революция в России. А как иначе, если не провокацией, можно назвать, к примеру, блестяще организованный скандал с пресловутой «Матильдой», который на несколько месяцев вытеснил из сознания левых и правых саму способность к критическому мышлению? Уже в начале 2018 года, перечитывая хронику, активные участники дискуссий и потасовок сами удивятся, какая пустышка объединила их. Такую же роль сыграли и прочие «демоны», которые столкнулись в двух одинаково живых версиках истории революции. Вот вам и еще несколько недель отвлечения от серьезных проблем, а времени «на подумать» и не осталось, все вышло. Так, кажется, и пережили революцию, а до следующего столетнего юбилея, глядишь, и помиримся.

«Афоризмы об афоризмах»

Афоризм — это концентрированная банальность, желательно — оригинальная по форме. И десяти процентов правды достаточно, чтобы превратить бессмысленную фразу в афоризм. Один удачный афоризм порождает сотню посредственных, десяток приличных и два-три столь же удачных. Афоризм — это упорядоченный набор слов, надолго запоминающийся многим. На каждый гениальный афоризм философа или писателя найдется не менее гениальный афоризм прямо противоположного содержания. О политике и говорить не приходится — их афоризмы противоречивы даже у одного автора, так как лицемерие в политике не исключение, а норма. Каждый человек хотя бы раз в жизни изрекает замечательный афоризм, только не замечает этого. Если бы к каждому человеку была приставлена стенографистка, то афоризмов в мире были бы миллиарды. Если я буду помнить все свои афоризмы, то забуду чужие и тогда не смогу сочинять свои, то есть оригинальные. Если уж не можешь не говорить банальности, то хотя бы делай это раньше других. Мои умные афоризмы рождаются из чужих глупостей. А глупые откуда? Афоризмы — это осколки романа, который ты никогда не напишешь. Между дряблым романом и ладным афоризмом я выбрал последнее. А ведь на роман еще и времени сколько нужно потратить! Как только произнесешь что-нибудь оригинальное, тебя тут же закидают чужими афоризмами.

ФОТО: PHOTOPRESS

Андрей Кивинов: «Первые книги сочинял, сидя в засаде»

4 **Расторгуев:** Если же говорить о значимых для меня событиях, то в этом году вышли две мои книги: в издательстве «Юрайт» авторский курс «Философия политики. Методология политического планирования» и в издательстве Института наследия «Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном мире». Последняя книга написана в соавторстве с доктором наук Татьяной Беспаловой.

культура: Вы уже много лет проводите Панаринские чтения. В чем актуальность наследия Александра Панарина?

Расторгуев: По сути, Александр Сергеевич был основателем нового направления науки — методологии политического и геополитического прогнозирования, а также оригинального направления в современной политологии, для которого характерен четко прописанный цивилизационный подход, учитывающий историческую, культурную и конфессиональную специфику России, что было ценно в период становления отечественной политологии и выбора курса нашей страны. Об актуальности наследия Панарина лучше всех сказала Святейший патриарх Кирилл. Панарин писал, что идентичность русских людей скрепляла православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении вере.

культура: Какие вызовы стоят сегодня перед нашей цивилизацией?

Расторгуев: Все те же, ничего нового: быть или не быть... Бесконечные испытания на прочность нас закаляли — сколько их было в русской истории. И войн на уничтожение, и блокад. К слову, основатель теории локальных цивилизаций великий русский мыслитель Николай Яковлевич Данилевский сравнивал нашу культуру с орехом, скорлупу которого служит государство, а ядром — сама уникальная цивилизация. Чем крепче скорлупа, тем надежнее содержание — идентичность. Он очень доходчиво объяснил причину, казалось бы, нелогичной ненависти ко всему русскому, которая так выпукло проявляется в «европеизме» некоторых наших «западников», в том числе и тех, кто совершенно искренне полагает, что заключенной в себе здоровой ядра, — писал Данилевский, — к чему стараться о придании большей и большей твердости этой скорлупе?.. Если внешне влияние благотворно, то не лучше ли — не соорудить ли с целью широко открыть ему пути, — расшатать связь, спаивающую массу, дать простор действовать чуждым, посторонним элементам высшего порядка, вошедшим, по счастью, кое-где в состав этой массы?.. Не скорее ли проникнется европеизмом, очеловечится вся Русь, когда ее окраины примут европейский склад, благо в них есть уже европейские дрожжи, которые — только не мешайте им — скоро приведут эти окраины в благодетельное брожение». Поэтому русские «либераль» или, как называл их Панарин, «нигилистические отщепенцы» и называют любое проявление русской самобытности не иначе, как «русским фашизмом». И им это сходит с рук. Вот в чем скрыта внутренняя угроза — в предательстве «новых узких», наивно лишенных элементарного уважения к нашей истории и святыням.

культура: Есть ли у нас историческое право говорить об особом пути России, ее миссии?

Расторгуев: Конечно. Принципиально важен вопрос о выборе пути, по которому пойдет наша страна, то есть о стратегии долгосрочного развития. Прежде у нас была коммунистическая идеология, а сейчас — буржуазная, точнее, неолиберальная. А если быть откровенным, то речь идет об особо опасной ее разновидности — о радикальном рыночном фундаментализме. Именно так определил навязанный нам строй безбывственный Джордж Сорос. По его мнению (а он знает, о чем говорит), рыночный фундаментализм, который господствует на планете и навязан России, разрушает последние остатки либеральных свобод, представляя большую угрозу, чем коммунистическая идеология.

Теперь несколько слов о главном — о миссии России. Известна она уже тысячу лет: сбережение на огромных пространствах — географических, этнокультурных и языковых — истинной веры и цивилизации, которая не отвергает, а сберегает все народы, конфессии и языки, доверившие России свою судьбу и безопасность.

ФОТО: PHOTOPRESS

Кивинов: Несмотря на название, это история, скорее, о театре. У нас получился такой театралный детектив. Здесь будет и преступление, и загадка, и постановка чеховской «Чайки». В главных ролях снялись Юлия Снигирь и Алексей Чадов. Как мне кажется, вышло достаточно занятно.

культура: Сегодня Вы являетесь одним из самых востребованных сценаристов, однако первый серьезный успех пришел вместе с сериалом «Улицы разбитых фонарей». В январе проекту исполнилось двадцать лет. Ожидали такой популярности?

Кивинов: Когда мы только начинали, никто даже не предполагал, что из этого может вообще что-нибудь получиться. Первые восемь серий снимались буквально на карманные деньги, так что качество было соответствующее. Когда заказчик увидел, что получилось, то фильм положили на полку и показывать отказались. Потом почему-то все-таки выпустили в эфир. «Менты» выстрелили, и понеслось.

культура: Как получилось, что Вы покинули проект?

Кивинов: Во-первых, написание книг я тогда еще совмещал с милицеей работой, так что никак не мог осилить конвейер 24 серии в год. Тогда-то и начали приглашать других авторов.

культура: Не жалко было отдавать придуманных Вами персонажей — Дукалица, Ларина, Соловца, Казанцева и Волкова — в чужие руки?

Кивинов: Сложно сказать. Я не против, что сериал продолжили снимать без меня. Обидно другое, многие из авторов понятия не имели, как и чем живет наша милиция, и соответственно это передавалось на экран. А люди по-прежнему ассоциировали меня с «Улицами».

культура: Вы сами много лет прослужили в милиции. Что Вас туда привело?

Кивинов: В милицию попал в большей степени по романтическим соображениям. У нас же были литература, кинематограф, воспевавшие профессию сыщика. Конечно, реальная работа процентов на девяносто отличалась от того, что показывают в книгах и на экране. Первое, что меня потрясло, — уровень преступности. Это еще было советское время. И если в сериале «Следствие ведут знатоки» говорились «если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет», то, когда я пришел в отдел, выяснилось, что совсем не порой и совсем не кое-где, а каждый день и повсеместно. Изнутри все вообще иначе воспринимается.

культура: Вы поэтому начали писать детективы?

Кивинов: Я не собирался становиться профессиональным писателем, а уж тем более сценаристом, это начиналось как хобби. Отработав пять лет в территориальном отделе, пошел на повышение в РУВД и решил на память своим ребятам оставить маленькую повесть. Напечатал текст на машинке, размножил в пяти экземплярах через копиру и подарил. На этом, собственно, все должно было и закончиться. Но повесть совершенно случайно попала в издательство, знакомые передали. Мне предложили опубликоваться, потому что про милицию в таком тоне еще никто не писал. Поначалу я отказывался, опасался, что меня как минимум из органов уволят. Но меня все-таки уговорили. Дописал еще четыре повести, и в 1994 году вышел первый сборник.

культура: Тяжело было совмещать писательство с основной деятельностью?

Кивинов: На литературу у меня уходило все выходные и отпуска в течение последующих пяти лет, вплоть до ухода со службы. Плюс, если мог, то сочинял на дежурствах, когда было время, или в засаде, тетрадка всегда была со мной. С одной стороны, приходилось трудно, но с другой — не надо было ничего выдумывать, бери фактуру и перенеси на бумагу.

культура: Вы сказали, что у каждого героя есть реальный прототип. Кто эти люди?

Кивинов: Оперативники, с которыми я работал. У некоторых даже фамилии похожи. Дукалиц — это майор РУБОПа Анатолий Дуку.

ФОТО: МИХАИЛ МАСЛЕННИКОВ/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

ФОТО: МИХАИЛ МАСЛЕННИКОВ/ИНТЕРПРЕСС/ТАСС

Он сейчас уже на пенсии, как и я, трудится помощником депутата. Олег Дуинцев, заместитель начальника уголовного розыска Кировского РУВД — прототип Олега Георгиевича Соловца, он тоже давно на пенсии. Мы до сих пор поддерживаем отношения.

культура: Они не обиделись, что Вы сделали из них литературных персонажей?

Кивинов: Никаких обид не было, я же вывел их положительными героями, кроме того, они стали прототипами популярного сериала. Было недовольство у высокого руководства, но и то, скорее, для проработки.

культура: Помимо «Ментов», Вы автор любимой народной комедии «Каникулы строгого режима». Как возник замысел? Правда ли, что у Вашего соавтора Федора Крестова были проблемы с законом?

Кивинов: Да, он 12 лет провел в местах лишения свободы. Когда моя жена работала в издании «Вне закона», он писал туда заметки о жизни в зоне. Однажды рассказал ей байку, как сбежавший с зоны случайно прятался у своей супруги в пионерском лагере. Это натолкнуло меня на мысль о книге. Мы с ним встретились, обсудили детали, придумали сюжет. Сначала вышла книга, а спустя два года сняли фильм. Кстати, он там даже сыграл в небольшом эпизоде. Насколько я знаю, он до сих пор продолжает сценарную работу, завязал с криминальным прошлым.

культура: Вы двенадцать лет были оперативником, а он двенадцать лет сидел в тюрьме. Как удалось найти общий язык?

Кивинов: Ну, это все условности. У нас была общая цель — написать книгу. К тому же ведь это не я его посадил.

культура: Остались довольны экранизацией?

Кивинов: Что-то, конечно, может быть, хотелось бы сделать по-другому, более подробно, как в книге. Но в целом да, доволен.

культура: В чем, на Ваш взгляд, секрет удачного сценария?

Кивинов: Мне кажется, что во главе угла должна стоять интересная история. Можно, например, обладать теоретическими зна-

ниями очень хорошими, ходить на семинары, учиться сценарному мастерству, освоить все тонкости профессии, но при этом так ничего и не снять. Все-таки история — основа фильма.

культура: Жизненный опыт — бесценное подспорье?

«Улицы разбитых фонарей»

«Безопасность»

Кивинов: Конечно. Особенно если пишешь про людей какой-то профессии, то желательно знать, как они трудятся, что там происходит. Я всегда говорю, лучшие сказки получаются у тех, кто знает, как было на самом деле. По этой причине никогда бы не взялся за историю типа «Метода» или «Нюхача», мне жутко мешает знание реалий. Кто в них не смыслил, тому проще. Они понимают — это кино, а у него свои законы. Но я все-таки не сторонник такого подхода. В наших сериалах мне иногда хватает первых трех кадров, чтобы понять, что человек, писавший сценарий, никакого отношения к полиции не имеет. Например, многосерийный фильм «Следователь Тихо-

нов». Даже дети знают, что в уголовном розыске оперативники, там нет никаких следователей, а герой так и представляется. И это на федеральном канале. Подобные ляпы, конечно, угнетают.

культура: В фильме Эльдара Рязанова «Берегись автомобиля» сказано: «Зритель любит детективные фильмы. Приятно смотреть картину, заранее зная, чем она кончится. Лестно чувствовать себя умнее авторов». Как Вы думаете, почему жанр так популярен?

Кивинов: Потому что зритель точно знает, каким бы злодей ни был изобретательным, какое бы преступление ни совершил, в конце он будет наказан, и это греет душу. В жизни, к сожалению, так бывает далеко не всегда.

культура: В России разрабатывается законопроект о запрете популяризации криминальной субкультуры в СМИ и соцсетях. А разве детективы не романтизируют уголовный мир?

кто не знал, а сейчас любой маньяк тут же становится героем криминальных новостей. Однако, мне кажется, нужно держаться золотой середины. Специально, конечно, страхов нагонять не нужно, но и замалчивать факты, как раньше, не стоит.

культура: Действия «Улиц разбитых фонарей», «Тайн следствия», «Бандитского Петербурга» разворачиваются в городе на Неве. Во многом именно из-за этого Петербург негласно стали считать криминальной столицей России. Не обидно за родной город?

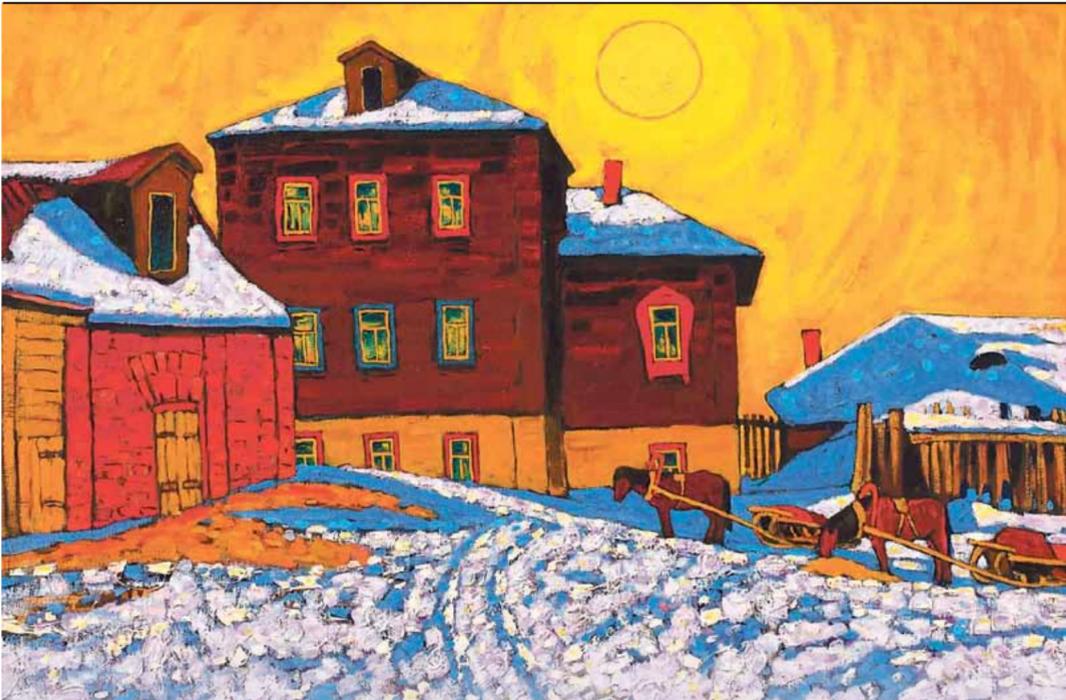
Кивинов: Книжки и фильмы тут абсолюто ни при чем. Город окрестился криминальной столицей в начале 2000-х, когда было совершено несколько громких резонансных убийств. Кстати, следы вели в Москву и другие регионы, но фактически преступления произошли в Петербурге. Ярлык приклеили журналисты, и он закрепился, хотя к реальности это никакого отношения не имеет. Я это говорю не потому, что питерский. Уровень преступности на тот момент был абсолюто таким же, а то и гораздо ниже, чем в других регионах.

культура: Вы часто признаетесь, что устали от милицеейской темы, но не перестаете к ней обращаться, почему?

Кивинов: Два моих последних милицеейских фильма — «Оперная выстрел» и «Безопасность» — попросили сделать сотрудники СОБРа и ГУСБ. Я сразу поставил условие: ребята, это не будет расказом о том, как хорошие соборцы поймали плохих бандитов, или про то, как честные милиционеры арестовали нечестных. Это будет история про любовь. Так я и сделал. Оба фильма — типичные мелодрамы, просто в них принимают участие люди в погонах. Но я практически отошел от этой тематики. Сейчас на Первом канале готовится к выходу восьмисерийный сериал «Волшебник», героями которого стали трое обаятельных мошенников. В главных ролях: Юрий Чурсин, Дима Хрустаев и Александр Голубков. Сейчас тружусь над двумя проектами: на Первом канале делаем детективно-криминальную ленту под рабочим названием «Сестры по оружию». Действие будет разворачиваться в 1926 году в Ленинграде. А на НТВ появится детективно-криминальная картина, где главным героем не сыщик, а врач-невролог.

культура: В свое время классики советского детектива братья Вайнеры мечтали о времени, когда преступности не будет совсем. Они давали название придумали «Эра милосердия». Полагаете, такое возможно?

Кивинов: Думаю, нет. Люди — разные, к сожалению, подобного идеального общества в принципе быть не может. Но с другой стороны, как говорил тот же Глеб Жеглов: «Правопорядок в стране определяется не наличием воров, а умением властей их обезвреживать!»

Путешествие на край цвета

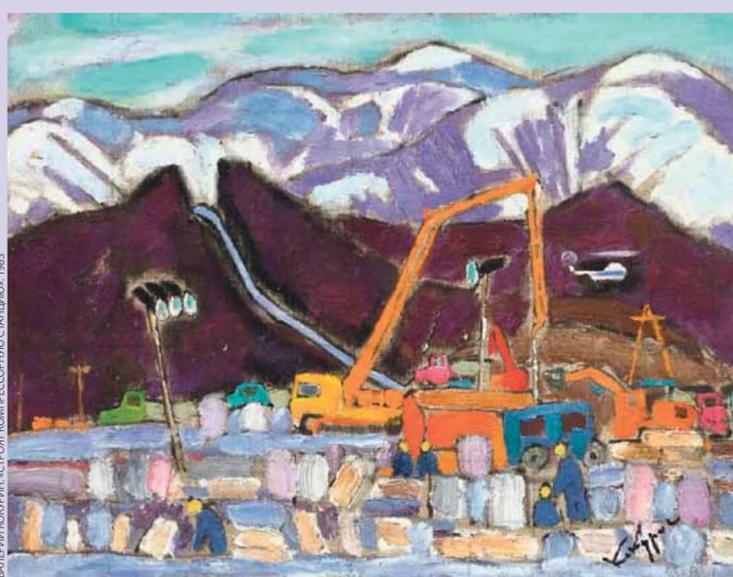
В ИНСТИТУТЕ русского реалистического искусства представили проект «На краю цвета», посвященный владимирской школе живописи. Ее феномен связывают с развитием локальных художественных сообществ. К владимирцам относят не только уроженцев этой древней земли: некоторые, как, например, Виктор Дынников, Петр Дик и Владимир Севостьянов, приехали сюда уже во взрослом возрасте, часто — почти случайно, не планируя остаться на всю жизнь. Мастеров этой школы объединяет особый подход: яркие краски, широкая пастозная манера письма, отсылки к лубку и мстерским «лакам». В 60-е, когда заявил о себе «суровый стиль», они выбирали негероические, подчеркнуто бытовые сюжеты. Исключением был разве что Михаил Изотов, автор торжественных портретов спортсменов. Колористически мастера тяготели к Ван Гогу и Гогену — их не смущало, что к середине XX века появилось множество других течений. Провинциальные художники создали особую вселенную, вдохнули новую жизнь в жанр пейзажа и в итоге получили свою порцию славы — кто-то больше, а кто-то меньше.

Ким Бритов, Валерий Кокурин, Владимир Юкин — три кита, на которых держалась владимирская школа. Именно их работы на республиканской выставке «Советская Россия» в Москве (1960) заставили критиков заговорить о новом феномене. В ИРПИ показана интересная подборка Бритова — от произведений в духе барбизонцев (виды Суздаля перемежаются с амстердамскими каналами) до эффектных портре-

тов. Много путешествовавший Кокурин представлен ярким многофигурным полотном «Восточная сказка» (1965–1966), где запечатлен причудливый быт Средней Азии. Манеру третьего «отца-основателя» Юкина, состоявшего в родстве с древними иконописцами, отличал густой мазок: в картине «Март» (1979) краска кусками положена на холст. Вообще владимирцы любили фактурные поверхности: порой при грунтовке они специально использовали опилки, чтобы получить «зернистое» изображение.

Интересны и судьбы остальных авторов, причисляемых к этой школе. Необычный жизненный путь был у Владислава Потехина — талантливого живописца, не дожившего до 40 лет. Его родители не поощряли творческие наклонности сына: Потехин вначале учился во Владимирском авиамеханическом техникуме и лишь потом поступил в местное художественно-ремесленное училище. Он увлекался спортом, однажды узнал, что победители местных соревнований поедут на Спартакиаду в Ленинград. Молодому таланту очень хотелось увидеть Русский музей: в итоге он не только выиграл местные состязания, но и получил первое место на Спартакиаде в Северной столице. Впрочем, став чемпионом, спорт забросил.

Крайне трагично сложилась судьба Виктора Дынникова. Родившийся в Уральске Казахской ССР, он учился в Краснодаре, а затем приехал в Ленинград в заветную Академию художеств. Его вступительный рисунок — изображение натурщика — долго висел в приемной комиссии как

образцовый. Позже Дынников переехал во Владимир, где прожил 35 лет. За эти годы он удостоился лишь двух персональных выставок. Чувство цвета, мягкий юмор, переосмысление от-

крытый Матисса и Модильяни — все это встречало ожесточенное неприятие. Обладатель необычной внешности — худой, с кудрями до плеч — он получил прозвище Принц Датский.

Художник и правда был не от мира сего, совсем не интересовался бытовыми аспектами жизни: «Я нездешний, я уникальный географический, поскольку родился между Азией и Европой». На выставке в ИРПИ можно увидеть сделанные им портреты, в том числе Бритова.

Любопытно, что поначалу стиль владимирских авторов вызвал ожесточенные споры. Помимо картин здесь представил уникальный документ — фотокопия книги отзывов московского вернисажа 1969 года. На произведения провинциальных мастеров столичная публика реагировала по-разному: восхищенный публиком, вроде «выставка подобна хорошей песне» или «настоящая полнокровная живопись», противопоставлены уничижительные, например: «Это не живопись, а мазия обезьян». Порой посетители письменно вступали в перепалку друг с другом. Некоторые упрекали художников в отсутствии четкой идеи, другим, напротив, нравилось, что «здесь есть ощущение полноты жизни и нет перста указующего». Трудно поверить, что столько копий было сломано вокруг этих работ, вполне традиционных по стилистике с современной точки зрения. Как бы то ни было, «владимирские импрессионисты» — вопреки злопыхателям — до сих пор вызывают интерес у публики. А ориентация на начало XX века и легкий привкус ретро только придадут шарм их вещам. Ведь искусство ради искусства, без утилитарной цели и назидательности, — роскошь, которую не каждый может себе позволить.

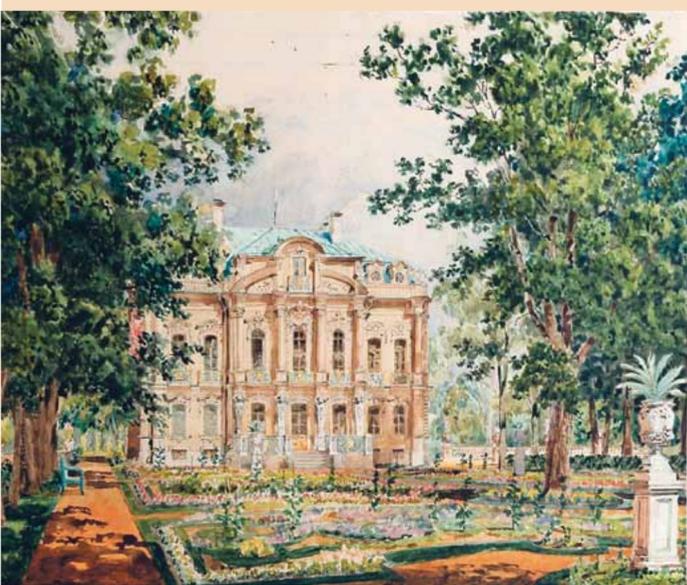
Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Вдоль по Питеру

«ПЕТЕРБУРГ, ВОЕННЫЙ ПАВИЛИОН НА ДВОРИЦОВОЙ ПЛОЩАДИ», 1850

«МОДНЫЕ ДАМСКИЕ ПЛАТЬЯ», КОНЕЦ 1850Х — НАЧАЛО 1860Х

«ДВОРЕЦКОЕ УСТРОЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ДАЧИ ALEXSANDRA I LEVIZ PETERGODA», КОНЕЦ 1850Х

ДВЕ СТОЛИЦЫ связал полузабытый ныне художник **Василий Садовников** (1800–1879), чью выставку открыл **Государственный музей А.С. Пушкина**. Уютные залы «Мезонин» в усадьбе на Пречистенке будто созданы для камерных работ — акварельных листов и литографий. Впрочем, это не обычные интерьерные гравюры: скорее, панорама города, а отчасти — страны. Своего рода летопись, созданная с помощью полупрозрачных красок и изящного, отточенного рисунка.

Какой роскошный байопик можно было бы снять о Садовникове, дожившем почти до 80 лет. В красках показать Россию дворянскую и крепостную, ее столицы и провинцию, где неоднократно бывал мастер ландшафта. Его заслуженно называли портретистом Петербурга, однако он оставил нам «физиономию» множества других городов Российской империи: Москвы, Новгорода, Вильны (Вильнюса), Ковно (Каунаса), Гельсингфорса (Хельсинки). А свой последний рисунок создал в 1873 году в Тамбове, изобразив интерьер крестьянской избы.

В этом рассказе могли бы фигурировать самые разные люди, включая великих и прославленных, например, княгиню Наталью Голицыну (ту, которую считают прототипом старой графини в «Пиковой даме» Пушкина). Садовниковы были ее крепостными. Старший брат Василия Петр, буду-

щий академик архитектуры, еще мальчиком был отдан в обучение к известному зодчему Андрею Воронихину. Получив первые навыки в рисовании от брата, Василий оказался соперником воронихинской школе, много взявшей от европейской классики. И ландшафты Садовникова-младшего — не что иное, как отечественный вариант знаменитого жанра «ведута», возникшего в Италии в XVII веке и охватившего Старый Свет, а также Россию.

В повествовании о мастере неизменно появились бы и другие представители творческой интеллигенции, вплоть до Пушкина, который вместе с известными жителями Петербурга изображен во время прогулки по главной улице Северной Пальмиры. На литографированной «Панораме Невского проспекта» (1835) запечатлен каждый дом — от Адмиралтейской площади до Анничкова моста. На редкость достоверное произведение стоило неравнодушному к бытовому жанру автору пяти лет труда. С помощью издателя Андрея Прево «Панорама» в литографиях разошлась по всей России. Две ее стороны из собрания ГМП склеены в ленты: правая — более семи метров в длину; левая — более восьми.

В 1838-м за «Интерьер парадной лестницы Академии художеств» Садовникову, только что получившему волюную, присвоили звание свободного некласного художника. В дальнейшем мастер выполнял заказы Николая I, членов император-

ской фамилии и аристократов: князей Голицыных, Юсуповых, баронов Строгановых; запечатлевал и парады, и «перспективы», и дворцовые интерьеры. Много путешествуя, изображал разные города и такие события, как подготовка к открытию памятника «Тысячелетие России» в Новгороде в 1862-м.

Урожденный петербуржец, маэстро с ранних лет наблюдал жизнь столицы и стремился воспроизвести наиболее интересные детали. На его акварелях и рисунках — разнообразные части Северной Венеции: Дворцовая площадь, набережные Невы, центральные улицы, причем никогда не пустынные — ландшафт оживляют людские фигуры, порой целые толпы, если изображены исторические события. Художник хотел показать летние резиденции императорской семьи и великих князей: Гатчинский дворец и парк, Собственную дачу близ Петергофа, усадьбу Сергиевка. По его работам можно судить о том, как рос город: если в начале 1840-х на Исаакиевской площади собор еще окружен лесами, то на листе «Торжественное открытие памятника императору Николаю I на Марининской площади 25 июля 1859 года» Исаакий высятся во всей красе. А в целом «город пышный, город бедный» Пушкина в поздних акварелях уступает место Петербургу Достоевского, впрочем, и этот облик неизменно сохраняет элегантность.

Татьяна СТРАХОВА

Заповедный напев, заповедная даль...

Елена ФЕДОРЕНКО

В Студии театрального искусства худрук и основатель труппы Сергей Женовач поставил «Заповедник» по прозе Довлатова и поэзии Пушкина.

Все начинается в фойе. Красивая дама кустодиевских форм разливают по стаканам вино из бочки-цистерны, рядом — елка, украшенная бутылочками с алкоголем. В импровизированном кинозальчике публики разогревают «Новостями дня»: в хронике члены Политбюро раздают награды, сменяют друг друга рапорты о достижениях Заповедного трансформаторного завода, Саянской солнечной обсерватории, Ереванской обувной фабрики «Масис». Человек в сером плаще распространяет машинописные самиздатские копии «Заповедника» Сергея Довлатова: прочтешь — передай другу. Намеренно заставляют вспомнить антураж застойных лет, вписанный в «условия благоприятия» спектакля, где пойдет речь отнюдь не о советских муляжах — о безысходности и отчаянии, которых не избежать человеку рефлектирующему, где бы и когда он ни жил.

Главный герой Борис Алиханов — alter ego автора — как и сам Довлатов, писатель. Знает, что талантлив, но рассказы его никто не печатает. В семье — неразбериха. Душат долги и безденежье. Почему бы тогда не сбежать к Александру Сергеевичу от навалившихся проблем? «Попробовать рассеять ощущение катастрофы, туника», но от себя не скроешься, и хорошо только там, где нас нет. Когда-то и Пушкин оказался здесь, запутавшись в отношениях с властями, придерживаями и светским обществом. Спектакль построен по поэтическим канонам. «Пушкин — Довлатов» — основная рифма. Считается сразу — по уникальному сценарграфическому решению. Художнику Александру Боровскому удалось создать ощущение псковских просторов. Кажется, что они рядом, хотя на сцене нет ни михайловских роцн, ни корабельных сосен, ни лип на аллее Керн. Только два мостика. Один — горбатый — высоко, ближе к колосникам, летит из кулисы в кулису, напоминающая растражированный символ пушкинских мест. Второй — в виде убогого пирса на грязном пруду — на подмостках, тянется из глубины сцены к зрительским рядам. Два разны и пересекаться мира. Пушкинская примета тоже явлена материально — не фраз, не цилиндр, не крылатка, а посмертная маска. Причудливый свет волшебника Дамира Исмагилова не дает возможности ни на минуту забыть о растрезженном гении места. Пространство и действие разделены по гендерному принципу: нижний пирс — место обитания мужчин, им отведена первая часть спектакля. Наверху щебечут дамы, для их пересудов — акт второй.

Алиханов в исполнении Сергея Качанова постарше Довлатова, не дожившего до пятидесятилетия, и тем более Пушкина. Актер, играющий тонко и на пределе, не рядится ни под того, ни под другого, он — рассказчик или лирический герой театрального повествования. Беспощадный философ и печальный островок. Выходит босоногий, в подвернутых

джинсах, ничком ложится на причал, щурится от солнечных зайчиков, вглядывается в свое отражение в мутном зеркале воды, расцарапанном окурками и всякой дрянью. Произносит беспросветные слова: «Жизнь расстилалась вокруг необозримым минным полем. Я находился в центре». Достает из воды бодрящую поллитровку — самое русское средство от печали. Как мухи на мед слетаются окрестные мужички. Топят тоскую безалаберные таланты и отпетые бездельники. Впрочем, «бездельность — единственное нравственное состояние». В нем все и пребывают. И балабол-фотограф Валера (Даниил Обухов колоритен в роли злостного нарушителя общественного покоя), что горланит в матюгалник новости от «Пионерской зорьки», и ясноглазый обаятельный «дружбист» Михал Иваныч (Дмитрий Матвеев) — бесхитростный и недалекий, и упрямый прижимистый сосед Толик (Александр Медведев). Не менее абсурден новодкинский ленинградцы: взъерошенный беллетрист Стасик Потоцкий (Александр Николаев), без устали придумывающий махинации по зарабатыванию легких денег, и энциклопедист Володя Митрофанов

музейный мемориал. Заповедник — это нравы и судьбы, сложившиеся совсем не по маршрутам мечтаний. Так же, как мужики пьянеют от водки, так экзальтированные дамочки — от Пушкина. Обострение носит сезонный характер: зимой здесь пусто, а летом к «солнцу русской поэзии» прибывают не только посетители-визитеры. Тянутся столичные учительницы, например. Приезжают, готовят текст экскурсии, вывозят туристическую позицию, по трое или четвером живут в чистеньких комнатах с чемоданами под кроватями и маскируют свое несостоявшееся счастье обожанием поэта. Смутные надежды и ожидания — напрасны. Талант Женовача — в понимании, сочувствии и даже восхищении литературными героями. Не склонный к сарказму и осуждению, каждой барышне он придумывает милейшие детали: особую грациозную походку или сентиментальные движения рук. Таких Довлатов называл «марцифелами», видел в них «нечто загадочное, возвышенное, экзотическое. Кефаль с марципаном...». Как хороши они, озорные младшие дочери в семье СТИ: Мария Корытова, Екатерина Копылова, Дарья Муреева, Варвара Насонова, Елизавета

взбаламутит «женское» действие мужчины. Майору Беляеву поручили заняться исправлением оступившегося писателя. Никита Исаченков, тоже из новобранцев, блистательно проводит сцену-монолог: сам задает вопросы, сам на них отвечает. От разглагольствований об органах, которые не только карают, но и воспитывают, легко переходит к земельному вопросу и рассуждениям о крестьянах, позабывших, как лошадей запрягать и когда и что сеять. Потом служилый вырывается на тему о вреде алкоголя и... достает по очереди бутылку и пачку печенья. Вот — рифма к первому действию и горькая переключка с современностью. Не устарело и пушкинское стихотворение «Не дорого ценю я громкие права», написанное поэтом незадолго до смерти, и с пафосом прочитанное Борисом как программное послание потомкам.

Новым спектаклем Женовач впервые доказывает, какой театральной мощью обладает слово — пушкинское, доластовское, разговорное, песенное. Текст «Заповедника», лапидарный и ироничный, легкий и живописный, чарует режиссера, и он неспешно им любуется, подает размеренно, плавно, нето-

Сергей Качанов — Борис Алиханов

Кондакова. Сплошь разные особы, томные и отчаянные, гордые и трепетные, скрытные и разбитные. Приютом пополнении молодым и талантливым Анастасии Иловой (Методист), Ольге Калашниковой (Хранительница музея) пришлось стать старшим поколением «женочечей». Все видно читают пушкинские строки и волшебные поют романсы Глинки, Алябьева, Шварца (отдельный комплимент — автору музыкального оформления Григорию Гобернику). Так же хором, взахлеб, с придыханием обожают Пушкина. Ему отдано их пылкое воображение и неграмотные природные силы. Реальные-то мужики почти перевелись, да и обитают на другом мостике. Почти на иной планете. Им не услышать чудное и чистое девичье многоголосье «Я вас любил». На «мужской территории» нечуждо окажется только жена Бориса (Катерина Васильева) да выпорхотни минутку уморительно смешная филокартистка, чтобы выкрикнуть в зал: «Ехать не советую. Абсолютно нету мужиков. Многие девушки уезжают, так и не отдохнув». Не покидает причал Борис, читает авторские комментарии, вспоминает дам, вступает с ними в диалоги. Единственный раз

ропливо. Волнует родной язык, ведь на «чужом мы теряем почти процентов своей личности». На вопрос жены о том, кому нужны его рассказы здесь, на родине, Алиханов-Качанов отвечает предельно ясно: «Всем. Просто сейчас люди об этом не догадываются». Женовач знает и заодно предупреждает: не делайте культа из Довлатова, в какой уже превратили Пушкина массовым поклонением и коллективным потреблением. Он — единственный и для каждого свой. В финале с доброй десяток посмертных масок поэта опускаются из-под колосников, по каждой — бежит слеза.

«Заповедник» Сергей Довлатов, Александр Пушкин
Студия театрального искусства Режиссер: Сергей Женовач
Художник: Александр Боровский
Художник по свету: Дамир Исмагилов
Музыкальное оформление: Григорий Гоберник
В ролях: Сергей Качанов, Александр Николаев, Лев Коткин, Дмитрий Матвеев, Даниил Обухов, Никита Исаченков, Александр Медведев, Катерина Васильева, Екатерина Копылова, Дарья Муреева, Мария Корытова...

Пропаганда по-черному

Или о том, что англичанин с большим сыном и несчастливой жизнью не поменяет все-таки свой мир на пластилиновое счастье, слишком напоминающее Евросоюз. Или про генно-модифицированных скоропролетящих людей, пришедших на смену генно-модифицированным продуктам.

Сам же оригинал, «Черное зеркало», пришел черной-черной улицей черной-черной ночью к самой черной-черной пропаганде. В самом буквальном, расовом смысле этого слова. Белый мужчина обязательно должен быть садистом, насильником и хоть немного похожим на Трампа. Семья, состоящая из мамы и дочки, обречена на несчастье и жестокость. Счастливым браком — только межрасовый, без компромиссов. Черный, даже ведущий себя как подлец, не виноват, а убийцей предстает этой расы точно оказаться не может.

Начинается сезон с милой и довольно топорной антитрамповской пропаганды (американские либералы все не могут успокоиться после Хиллари Клинтон) — сотрудники компьютерной компании оказываются склонированы ее техническим директором, настоящим гением с прической Трампа. Умный компьютерщик переписал коллег в игру по мотивам космической апопеи. Здесь он может их унизить, мучить, превращать в монстров. В конечном счете жертвы приходят к выводу, что лучше гибель, чем вечность в компании с этим негодяем. Но, благодаря отгаке и находчивости смелой женщины, злодей уничтожают, а корабль цифровых копий отправляется наслаждаться виртуальной Вселенной во главе с дамой-капитаном. Короче, свергай Трампа любой ценой и будь счастлив!

В финальном эпизоде — «Черный музей», создатели сериала находят емкий образ своего отношения к «расовому вопросу». Сознание погибшей в авткатастрофе белой женщины, которое подается к ее черному сожителю и пытается учить его мыть руки, сперва ставят на паузу, а затем и вовсе переселяют в трипичную обезьянку. И все это практически без осуждения — должен же мужчина вести счастливую реальную жизнь вместе с женщиной своей расы. А вот если посетители музея мучают на электрическом стуле виртуальную копию маньяка (который, конечно же, на самом деле «не виноватый»), то они руководствуются, разумеется, расизмом и за это должна последовать страшнейшая месть в духе «Джанго освобожденного».

Смотреть это не то чтобы скучно — каждая серия снята увлекательно и напряженно. Просто остается гадкое послевкусие, как будто вместо чистого спирта хорошего кино тебе протерли контакты примитивнейшим пропагандистским стеклоомывателем.

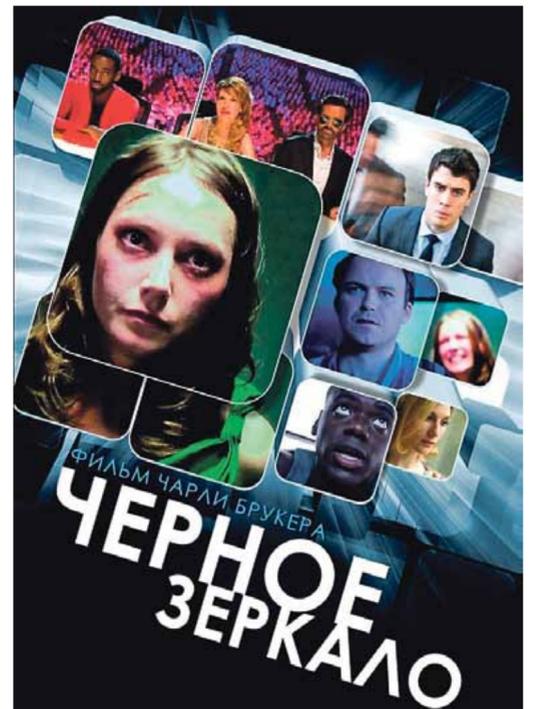
Но вот создатели сериала пытаются сменить тему и поговорить о любви. Специальное приложение знакомит между собой мужчин и женщин, выставляя условия и сроки общения, и получается картина в духе бестселлера 1920-х годов «Без черемухи» — «дошла до двадцатого мужа». Таким способом система, которая не де-

лает ошибок в выборе партнера, подбирает идеальную пару. Герои ломают парадигму, но этот бунт и есть, оказываясь, оптимальный выбор — мол, бросая вызов системе, ты ее как раз и укрепляешь.

На этом фоне симпатичнее всего является срежиссированная Джоди Фостер предельно простая история о том, как боящаяся за свою дочку мама вживляет ей чип, который позволяет на планшете смотреть глазами ребенка. За этот шедевр гиперконтроля жесточайше расплачиваются как мать, так и дочь. Наверное, поэтому, что эта история не о взаимоотношениях рас и полов, а о

личности, то именно для того, чтобы избавиться хоть ненадолго от личности реальной, а никак не ради того, чтобы еще сильнее увеличить давление на нее. Можно было бы представить себе будущее, где основную нагрузку вместо реальных людей выполняют цифровые копии или клоны, но вот мир, где одному человеку приходится пахать за две личности, невозможен не только технически, но и содержательно.

Впрочем, и эту тему мучительного усложнения жизни в виртуальности можно было бы обыграть поэтичнее, как в одной из серий «Электрических снов», где женщина из благопо-

вечно вопросе отцов и детей, серия вызывает наименьшее количество раздражения, хотя и лишена фантастичности или закрученного лихо сюжета.

Фантастика в 4-м сезоне «Черного зеркала» сводится, в общем-то, к банальностям — виртуальная реальность, иллюзия полного погружения, цифровая личность, которая тоже чувствовать умеет. Все это безобидно просто потому, что нереалистично. Авторам следовало бы лучше читать Маршалла Маклуэна, на идеях которого базируется вся современная концепция медиа. Новые изобретения, «медийные» посредники между человеком и миром создаются тогда, когда тот или иной орган слишком перегружен и нуждается в искусственном дублировании и усилении. Если бы человек однажды изобрел цифровую

лучно-политкорректного мира навсегда остается в виртуальной реальности, в которой она — мужчина с большими проблемами. Так героиня ищет свою боль и чувство вины. В «Зеркале» подобных изысканий находок нет, все гораздо топорнее и популяйски предсказуемо: обычная либеральная пропаганда, не обходящая без русофобии. В одном из эпизодов американский сенатор умирает от того, что его каким-то ядом отравили русские. Спасибо, что не лично Владимир Путин.

Вырождение главного сериала, который призван был задавать высочайшую планку и формировать вкусы (а за ними — этику), — симптом перегружен и нуждается в искусственном дублировании и усилении. Если бы человек однажды изобрел цифровую

Про уродов.
Без людей

«Величайший шоумен». США, 2017
Режиссер: Майкл Грейси
В ролях: Хью Джекман, Зак Эфрон, Мишель Уильямс, Ребекка Фергюсон, Зенда, Кила Сеттл, Эллис Рубин, Сэм Хамфри
12+
В прокате с 4 января

Алексей КОЛЕНСКИЙ

На экранах «Величайший шоумен» Майкла Грейси — мюзикла о восхождении к вершинам славы пионера масскульта, антрепренера и манипулятора позапрошлого века Финеаса Тейлора Барнума.

Хоть в реальности он и не произносил приписываемых ему фраз «Каждую минуту рождается лох» и «У нас есть что-нибудь для каждого», творческие успехи американца послужили источником вдохновения для бесчисленных хиромантов, астрологов, сектантов и шоуменов. Феномен популярности паранаучных измышлений, выдаваемых за универсальные рецепты успеха, окрестили «Эффектом Барнума». Но это не вполне точно: Финеас торговал не «сокровенными знаниями», а скандальными сенсациями, ставшими повесткой дня. Продав бакалейную лавку в 1835 году, двадцатипятилетний уроженец Коннектикута купил слепую парализованную негрятню и исколесил пол-Америки, выдавая ее за 160-летнюю няню Джорджа Вашингтона. Живой экспонат не вынес бремени славы и вскоре отошел в мир иной. Хозяин не растерялся, устроил публичное вскрытие тела Джеймс Хет. Выяснилось, что она — не механическая кукла, как считали недоброжелатели, а восьмидесятилетняя старушка. Затем Барнум перебрался в Нью-Йорк и учредил крупнейший на тот момент американский музей имени себя — нечто среднее между цирком уродцев, зверинцем и кунсткамерой. Но, заскучав, отправился в европейское турне, очаровал королеву Викторию, ангажировал оперную диву, придавшую его представлениям аристократический лоск. Барнум не брезговал финансовыми аферами и подальными векселями, приторговывал порошком, превращавшим чернокожих в белых. Часто прогорал, но использовал скандалы как повод для самопиара — не случайно самым успешным коммерческим проектом великого комбинатора стала многократно переписанная автобиография, к концу XIX века уступавшая по популярности лишь Новому Завету.

Этих инструкций по обольщению масс хватало бы на экранизации сотен способов сравнительно честного отъема денег. Но дебютант Майка Грейси пренебрег жареными фактами биографии героя, залакировала картинку и перелицежала апологию проходняка в слащавое танцевально-музыкальное реву. «Закрой глаза, поверь в мечту, прими себя таким, каков ты есть... А раз один считает тебя уродом, зарабатывай на этом!» — закликает подопечных легкомысленный антрепренер (Хью Джекман) и пускается в пляс перед грозницей спагнит цирк толпой. Барнум никогда не сдастся, заряжает своих татуированных и волосатых людей, симских бизнессменов, бородастых и гуттаперчевых женщин, карликов, гигантов, альбиносов верой в изменчивый успех. На первый взгляд «Величайший шоумен» представляется эффектным винтажным мюзиклом о гадком утенке, одолевшем превратности судьбы, обернувшимся белоснежным лебедем и поставившем на крыло не менее гадких сородичей. Однако, кроме акробатических этюдов и причуд кордебалета, режиссер не предьявляет никаких номеров и приводит сюжет к формальному хэппи-энду: цирк сгорел, но клоуны не разбежались, а сплотились и научились — как завещал «величайший» Барнум — выгодно продавать себя.

Тем же занимается постановщик ленты: полтора часа Майка Грейси гонят по арене танцовщиц, разбавляя коллективные пляски сольными номерами, по сути, затягивает дивертисмент, в котором недостает главного — циркового искусства, сверхуслия, пота, слез и благодарной публики.

Вдохновляясь примерами неравнодушных к девициям Федерико Феллини или Тома Браунинга, выдающийся режиссер развил бы индивидуальные линии персонажей, связал бы их единым сюжетом и составил яркий букет. Проблема в том, что статисты дебютанта Грейси — не артисты, а пропагандисты, желающие лишь одного: поставить толпу перед фактом своей и ее неполющенности, заставив оплатить это «шоу» звонкой монетой.

Кстати, у этого несгораемого балаганчика имеется двойное дно. Во время, пока Барнум выдает уродец за перлы творения, режиссер Грейси аранжирует тему «разнообразия», являющуюся краугольным камнем современной корпоративной этики. Согласно либеральным постулатам «Diversity», эффективно управляемым коллективом является сборная солянка из разнополярных страт — экспатов и мигрантов, содомитов и субкультурных групп. В идеале современная корпорация должна складываться из манипулируемых человеко-единиц, чьих лояльность руководству превышает личные, семейные, общественных и государственных интересов.

Нужен ли вавилонский цирк уродов кому-нибудь, кроме его кукловодов и бенефициаров? Несомненно! Маячащий за спиной Барнума англосаксонский истеблишмент заказывает дивный новый мир, в котором именно он, и только он, станет учреждать границы между своим и чужим, благородным и аморальным, похобством и красотой. Но, как отметил поэт, «жить в эту пору прекрасную уж не придется — ни мне, ни тебе». По крайней мере, жить в нормальном человеческом смысле.

Наши играют испанскую жизнь

Николай ИРИН

Первого января 1978 года Центральное телевидение впервые показало двухсерийную экранизацию пьесы старинного испанского драматурга Лопе де Вега «Собака на сене». Демонстрация картины в день главного праздника была закономерна. Советские кинематографисты регулярно делали зрителю подарки. Необходимо отметить, что картину выпустило Творческое объединение телевизионных фильмов студии «Ленфильм», которым руководил замечательный Виталий Мельников. Грамотная культурная политика, выверенная стратегия поиска — не последнее дело.

Обращение к Лопе де Вега в середине 70-х — это вызов и риск. На подобном, слишком удаленном как исторически, так и географически, материале легко скатиться к бессистемной костюмной пошлости. Однако ленинградским киношникам удалось достойно разобрататься с прихотливым и, казалось бы, архаичным сюжетом. Слишком многое сошло: классический текст в переводе Михаила Лозинского, постановщик с хорошим театральным и кинообразованием Ян Фрида; уже утвердившийся в качестве выдающегося композитора Геннадий Гладков; яркие Армен Джигарханян, Зинаида Шарко, Николай Караченцов, Игорь Дмитриев, Виктор Ильичев и Елена Проклова в ролях второго плана. Самое сильное впечатление на зрителя произвел лирический дуэт Михаила Боярского и Маргариты Тереховой.

Историк моды Александр Васильев не оставил от декораций и костюмов фильма камня на камне, дескать, снимать следовало не в Ливадийском дворце, а хотя бы на Кубе, где много аутентичной испанской архитектуры. Вдобавок, корсетки были обязательным атрибутом женской одежды начала XVII столетия, что не учли художники ленинградской «Собаки...». На самом деле, в экранизации Фрида подобные вещи не имеют никакого значения. Благодаря в первую очередь способу существования на экране Тереховой история стала не просто универсальной, но вызывающе современной, так что назойливый буквализм ей сильно навредил бы.

Всегда интересно разбираться с так называемым кинистом, выясняя, кого провалили на главные роли, но не утверждали, прикидывая, как изменился бы строй фильма в случае иного выбора. Благо, теперь архивы открыты, а воспоминания о процессе создания знаменитых картин нет конца. Известно, что на роль Теодоро, которого в результате сыграл Михаил Боярский, провалился Олег Янковский. Олег Иванович, умевший и любивший давать «второй план», ничего подобного в старинной жанровой пьесе не нашел и закономерно не сумел психологически за материал зацепиться. В самом деле, костюмные вещи с участием Янковского, где его игра не отразила, сочинены ироничными Евгением Шварцем или Григорием Горюхиным. А Лопе де Вега дает конструкцию, где романтические порывы корректируются непререкаемым сословным порядком, который, впрочем, удается преодолеть благодаря ловкости простолоудина Тристана. К нашему всеобщему восторгу, не прекращающемуся больше четырех десятилетий, в середине 70-х кинематограф получил артиста, который, будучи и умным, и тонким, и музыкальным, не стеснялся давать незамутненный романтический драйв. Боярский поднатерел к тому времени на театральной сцене, играя в паре с Алисой Фрейндлих пламенных и костюмированных героев-любовников. Позади был дикий кот Матвей в киномузике того же Гладкова, впереди д'Артаньян, а переходный этап от одного бескомпромиссного романтика («Я кот Матвей, мой метод прост: я не люблю тянуть kota за хвост!») к тому, что с плащом и шпагой, — как раз ученый, но безродный секретарь Теодоро. Внутренний строй Боярского, который находит выражение и в голосе, и во внешности, позволяет убедительно играть персонажей из далекого прошлого. Они не отягощены «вторым планом» и равны своим словам. Конечно, актер и внешне хорош, однако значительную долю успеха следует отнести именно на счет его человеческой определенности: на фоне рефлексизирующих невротиков урбанистической эпохи внутренне цельный Теодоро выглядит субъектом уникальным и манящим.

На роль графини Дианы де Бельфлёр Фрида планировал Людмила Чурсину, которая жила в то время в Ленинграде

в браке с режиссером Владимиром Фетиним и, видимо, была постановщику «Собаки...» хорошо знакома. Чурсина и статная, и величественная, однако пробы оказались неудачными. Выбором Тереховой были предопределены как последующий триумф картины, так и сложности постановочного периода. Рассказывая о съемках, Зинаида Шарко осторожно и корректно намекает на то, что Терехова вела себя с интеллигентным подавляющим постановщиком достаточно жестко и своенравно. Зинаида Максимовна иронично списала проблему взаимоотношений на разность менталитетов: культурного ленинградского и, скажем, стихийного московского.

Вот и сама Маргарита Борисовна вспоминает, что, ни в коем случае не вмешиваясь в общий постановочный процесс, выстраивала линию своей Дианы абсолютно самостоятельно, наперекор установкам режиссера. Что же, смотреть на Терехову в «Собаке на сене» исключительно интересно. Она дает костюмной истории современное измерение. В сущности, играет не аутентичную испанскую дворянку, а жительницу мегаполиса, которая находится в плену стереотипов, что проникли в подсознание и исподволь управляют хозяйкой, мучая ее, выдавая себя за ее подлинные порывы и истинные сердечные решения.

Что происходит на экране? Молодая вдова Диана окружена огромным количеством социально равных ей поклонников — на любой вкус и любого возраста. Конечно, она пристраивается, ждет и выбирает. Однако ее горизонт восприятия ограничен ее же статусом. Очень хороши первый эпизод и первое появление графини, разгневанной тем, что неизвестные мужчины, спрятавшие лица под плащами, осмелились разгадывать ее во сне. Диане в голову не приходит, что шумно промелькнувшие мимо спальни неизвестные могли

Благодаря Тереховой история стала не просто универсальной, но вызывающе современной

интересоваться кем-то другим. В самом деле, из людей, достойных внимания, в этом дворце она одна.

Когда же выясняется, что незнакомцы приходили к служанке Марселе, Диана испытывает натуральный социокультурный шок. Терехова блистательно отыгрывает открытие ее героиней нового дивного мира. Как говорится, «ест ли жизнь на Марсе», то бишь на нижних этажах социальной лестницы? Есть, и куда более увлекательная. Оказывается, заветные фантазии, которые графиня лелеяла в качестве элитных, целенаправленно дразнят не нужного ей мужчину и постепенно влюбляется, сколько отравившаяся в опасное психологическое путешествие с непредсказуемым результатом героиня элитарной прозы и экспериментального кино XX столетия. Терехова не вмешается здесь

в подарок риторические фигуры, изысканные комплименты. «Социалка» — не тема Тереховой, она, скорее, стихийный метафизик, что подтверждено горячей заинтересованностью в ней Андрея Тарковского. Диана в ее исполнении вступает на опасный и травматичный путь познания мира. Увлекательно наблюдать за тем, как Терехова психически «плавает», обозначая растерянность своей героини пополам с интересом, к новому, хотя опасному, а гордыню —

в жанровую схему. Оставаясь в пределах канонического текста, она только за счет содержательной актерской техники дает ему своеобразное метафизическое расширение. Терехова показывает универсальный механизм притирки психики к реальности.

Три плана: метафизика от Дианы, романтизм от Теодоро, плутовство от Тристана. Сыгравший роль слуги Армен Джигарханян уравновешивает нерв Тереховой и пафос Боярского. Ведь что получается: скучающая графиня внутренне заказывает «интересную жизнь», и вот судьба обеспечивает ее волшебным помощником в лице очень грамотного секретаря; попавший в ловушку Теодоро в свою очередь заказывает безболезненное решение проблемы, а также интересную жизнь, которую обеспечивает уже его собственный пройдоха-лакей. Демократичный посыл Лопе де Вега невозможно проигнорировать: верхи хотят, однако только низы по-настоящему могут. «Очень уважаю шлох — шлю приветник», — распевает циничный Тристан, чей горизонт узок, чи возможности велики — кто бы мог подумать? Тристан, в сущности, Тень обоих влюбленных, безнадежно запутавшихся в мире распалющихся фантазий и скрывающих ритуалов. Приду-мано драматургом грубо, но до чего же эффективно: налицующий общественный порядок ставит пределы и счастье, и просто человеческого развития, а плутовство внезапно восстанавливает равновесие и даже позволяет округлить драматургическую схему ко всеобщему удовольствию.

«Я успокоилась немного, узнав, что это не ко мне», — замечает Диана, услышав в самом начале признание Марселя о связи с Теодоро, и эта реплика, конечно, сигнализирует о том, что вдова себя не понимает или самообманывается. «Но и себя я знаю тоже», — настаивает она позже тем более упорно, чем меньше это соответствует действительности. Выходит, у Лопе де Вега уже есть зачатки психологического высказывания, и Терехова гениально вытаскивает эти припрятанные смыслы на поверхность. Вдобавок в фильме весьма актуально звучат злоевские мотивы «любовь как контроль» и «торговля чувствами». «Темны пути любви», — напевает Теодоро, и эти его слова уместно воспринимать не в качестве романтического клише, а как предостережение и призыв к внимательности. Диана заражает тщеславными мечтаниями и сопутствующей жесткостью секретаря, тот в свою очередь делает больно Марселе, которая, тоже инфицировавшись, издевается над добродушным Фабью. «Любовь» не всегда то, за что себя выдает.

Необходимо сказать также о композиторе Геннадии Гладкове, создавшем музыку, совершенно не постаревшую. Начиная с «Бременских музыкантов», он сочиняет, умело встраивая свои по-хорошему модные мелодии в социальный и культурный пейзаж, освоенный персонажами. Это не вставные номера, а принципиально важный элемент драматургии. Комические куплеты развлекают, лирические баллады завораживают. Материальные несоответствия, которые раздраженно заметит историк моды, ничто в сравнении с той стилистической точностью от Гладкова, которая на самом интимном — акустическом — уровне обеспечивает «Собаке на сене» предельную достоверность.

1 культура: В то время можно было зарабатывать на жизнь картинами?

Рабин: Разумеется, нет. Поэтому я устроился десятником по разгрузке вагонов на Додегупрудной. Командовал грузчиками из экзов. Среди прочего, должен был обеспечивать их инструментом, который таскал на своем горбу. Подопечные меня не слушали, а дедали, что хотели. Мне один из них, симпатичный такой, как-то сказал: «Ты не должен поднимать ничего тяжелее карандаша, а ты ломы и лопаты таскаешь. Но ты не наш, временный». Он оказался прав, и я действительно ушел. Жизнь меня в конце концов вывела к живописи, и я взял в руки кисточку и карандаш.

культура: В историю отечественного искусства Вы вошли как лидер нонконформистов, организовавший «Бульдозерную» выставку. Как Вы чувствовали себя в этой роли?

Рабин: «Бульдозерную» выставку до сих пор помнят. Но сама я эту дату не отмечаю. Вообще бы о ней не вспоминал, если бы мне постоянно не напоминали. К своему «лидерству» относился и отношусь очень просто. Мне не свойственна роль начальника. Человек я довольно мягкий, склонный к компромиссам и уступкам. Что касается «Бульдозерной» выставки, то я просто оказался в нужном месте в нужное время. Неожиданно все получилось, будто это был не я, а кто-то другой. С тех пор ничего похожего со мной не случилось. Ни в Москве, ни в Париже мне и в голову не приходило устроить нечто подобное, хотя не согласен со многим, что происходит в мировом искусстве. Несмотря на это, в драку не лезу и не стану организовывать акции с бульдозером.

культура: Ваша картина «Деревня» (или «Пейзаж с коровой»), считавшаяся погибшей под бульдозерами, неожиданно появилась на аукционе несколько лет назад. Значит, не только рукописи не горят?

Рабин: Насчет аукционов не знаю. Так или иначе, все полотна исчезли. С тех пор их никто не видел. Сейчас искать их никому, в том числе и мне, не надо. Проще написать другие. В Москве на месте той выставки какую-то галерею организовали, издали маленький каталожек. Мне рассказали, что есть дом, где стены под обоями якобы оклеены картинами с «Бульдозерной» выставки. Жилище принадлежит офицеру, который заправлял разгромом художников.

культура: Кто придумал назвать Вашу группу художников — совершенно разных по стилю — «нонконформистами»?

Рабин: Нас обзывали «абстракционистами», обругивали всяческими словами, чуть ли не матерными. «Нонконформисты» — значит, несогласные с официальной линией в искусстве. Скорее всего, словечко нашли журналисты.

культура: В 2018 году у Вас еще одна «юбилейная» дата: сорок лет назад Вы с женой и сыном эмигрировали во Францию. В какой мере Париж повлиял на Вас как на художника?

Рабин: Все получилось не совсем так, как я ожидал. В моем творчестве среди экспрессионистских мотивов есть ирония — люблю подхихкивать; социальные моменты, желание передать ощущение того, как мы жили в бараке (не случайно мою живопись называли «барачной»). Мне свойственно и лирическое отношение к окружающему. Всегда любил пейзажи, которые писал с натуры. Земной неуют — все скромное, незамеченное, сарайчики. Когда возвращался ночью с работы, фонарей не было. Только в некоторых окнах горел свет. Я шел и представлял, как там живут люди. Все это вызывало у меня теплые чувства, сопереживание. Думал, в Париже тоже смогу окна писать. Но нет. Оказывается, получалось только в России, где знал людей, с которыми жил бок о бок. А тут сколько ни вглядывался в дома, для меня в них нет жизни. Не могу ничего передать, ничего не ощущаю. Для этого нужно было во Франции родиться. Здесь мой диапазон сузился. Остался в основном лирические ноты. Если изображаю сарайчик, то он примерно такой же, как в России, тоже заброшенный, только немного другой архитектуры. Или тот же вокзалчик с разбросанным вокруг мусором. Мне всегда хочется передать ощущение покинутости, симпатии к уходящей жизни.

культура: Обиды на свою историческую родину не держите?

Рабин: Абсолютно никакой. Именно в России я стал художником и сумел себя выразить. Моя живопись очень зависела от русских сюжетов. Можно в шутку сказать, что даже Париж мне советская власть руками КГБ преподнесла.

культура: Какие русские картины Вам ближе всего?

Рабин: Поленовский «Московский дворик», «Последний бабак у заставы» Перова. Они греют — прежде всего, русского человека. Такой же немецкий сюжет близок немцу. Не самая живопись, а мотив. Мы до сих пор гор-

Оскар Рабин:

«Половину своих картин готов отдать Третьяковке»

Думал, в Париже тоже смогу окна писать. Но нет. Оказывается, получалось только в России

димся нашим авангардом прошлого столетия. Хотя его влияние в мире, на мой взгляд, преувеличено. «Квадрат» Малевича — это русская икона. Во фресках или образах обязательно найдете изображение квадрата, хотя Малевич придал ему другое значение — он им как бы «закрывал» живопись. Концептуальное русское искусство мне неинтересно. Художники думают, что открывают нечто новое. На самом деле все это уже было. XX век — день вчерашний.

культура: Есть ли у Вас любимые мастера?

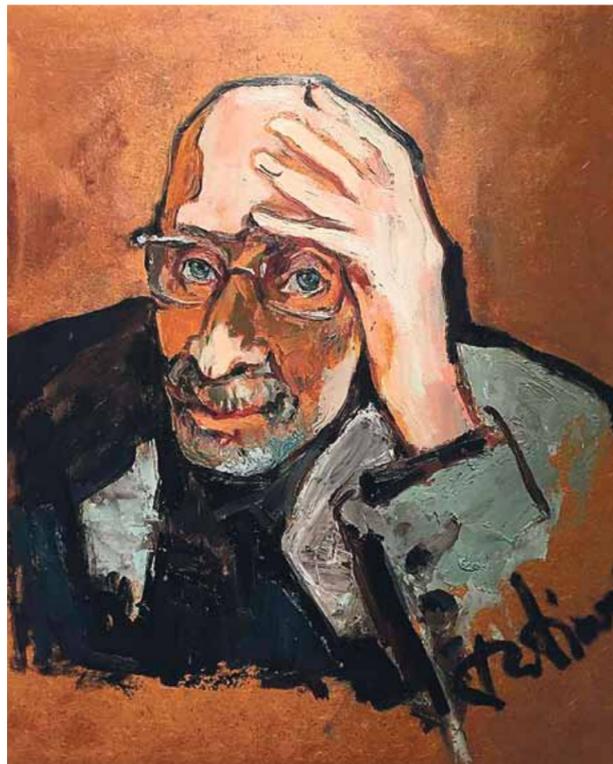
Рабин: Этот вопрос несколько коварный. У кого-то нравится одно, у другого — другое. Проще назвать тех, кого не люблю. Например, сюрреализм как направление. Хотя к отдельным представителям отношусь неплохо. Скажем, Рене Магритта ценю. Кстати леонардовская «Джоконда» тоже не вызывает у меня умиления или восторга.

культура: В России поэтам и живописцам часто приписывают ясновидческий дар. Есть ли тому основания?

Рабин: Я могу это допустить только по отношению к великим писателям и художникам прошлого. Они аристократы духа, бриллианты чистой воды. Когда смотришь на картины Гойи, думаешь, что его кистью водил кто-то свыше. Есть ощущение волшебства. Но такие гении — один на 100 миллионов или еще реже. Даже испанский правитель не гнушался поддавать кистью Веласкесу. Мы благоговеем и преклоняемся перед ними. Помнится, в Париже выставлялся Пикассо вместе с великими мэтрами прошлого, у которых он что-то заимствовал. Так вот андалузец проиграл им вчистую.

культура: Столетие назад город на Сене претендовал на роль светоча мирового искусства. Как случилось, что сейчас он не более чем музей?

Рабин: Я объясняю это просто. Живут миллионы людей, а благодать нисходит на одного-двух — самых достойных. Скажем, на Рембрандта или Веласкеса. Наверное, так и с городами, благодаря этому Париж был номером один. Потом французская столица оказалась задвинутой — по-

Досье «КУЛЬТУРЫ»

Оскар Яковлевич РАБИН родился в Москве 2 января 1928 года. Учился в Рижской академии художеств и в Московском художественном институте имени Василия Сурикова. Жил в подмосковном поселке Лианозово, где одновременно занимался живописью и работал на железной дороге. Участвовал в выставке Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 году. Впоследствии вокруг Рабина собрались молодые художники, получившие известность, как «Лианозовская группа». Выступил одним из инициаторов «Бульдозерной» выставки, которая прошла 15 сентября 1974 года в лесопарке Беляево.

В 1978 году Рабин вместе с женой и сыном эмигрировал во Францию. В дальнейшем его выставки прошли в Русском музее, в ГМИИ имени А. С. Пушкина, в Третьяковской галерее. Лауреат премии «Инновация» в номинации «За творческий вклад в развитие современного искусства». Действительный член Российской академии художеств. Рабину посвящены несколько документальных фильмов и монографий. Живет в Париже.

тому что оказалась слишком эстетичной, а ее живопись — чересчур нежной и аристократичной.

культура: Помнится, Вы говорили, что в нашем столетии искусство с его экспериментами переживает агонию, превращается в балаган, где все позволено и где любые мерзости можно выдавать за новаторство.

Рабин: В механизме искусства трудно разобраться, видя все это и не подумав: «Не дурак ли я, если этого не понимаю?» Сейчас даже слова красивые неприлично произносить. Куда лучше

сделать какую-то гадость. Между прочим, все это началось давно. Еще в середине прошлого века итальянский художник Пьеро Манцони записывал свои фекалии в консервные баночки (они и поныне выставлены во многих музеях). Искусство, втолковывал он, — все, что производится художником, в том числе и экскременты. Правда, под конец жизни он объявил, что «пошутить», морочил людям голову и что ничего в баночках нет.

культура: Несмотря на протесты части публики, Лувр, Эрмитаж, Версальский дворец и другие музеи выставляют вместе с классиками произведения современных «супераван-

гардистов» и модернистов. Самый последний пример: во дворце парижского Пети Пале сейчас бок о бок с Боттичелли, Энгром, Рубенсом и прочими классиками развесили работы скандального американца Андреса Серрано. В свое время он «прогрел» фотографией *Piss Christ* — распятия, погруженного в авторскую мочу, и даже был отмечен премией за новаторство. Чего же нам ждать дальше?

Рабин: Когда-то нынешний мэтр концептуального искусства Олег Кулик говорил примерно следующее: «Если моя выставка прошла без вмешательства полиции, если мне не дали по морде и не уволаки в участок — а еще лучше, судили и посадили, то это полный провал».

Известность приходит только так. Недавно в парижском музее современного искусства один французский коллега Кулика Абрама Пуаншеваль высиживал десяток яиц. Думаете, это далось легко? Он прошел через многие мытарства. Надо было сидеть в кофоне и сохранять постоянную температуру — иначе эксперимент бы провалился. Он там ел, пил, испражнялся. Что будет дальше — не знаю. Пророки обычно попадают в провал. А вдруг искусство сменит свой тренд на еще большую гадость?

культура: В какой степени живопись отражает эпоху?

Рабин: Художники на протяжении веков создавали красоту, с которой человеку было хорошо. Даже когда изображали, как Босх, чудовищные пытки, это было не противно и не страшно, а интересно и поучительно. В искусстве царил элитаризм. Примерно с середины XX столетия аристократизм оказался «не в моде». Воцарилось господство «демократии», которая выступила против избранности. Наступила некая усредненность в живописи, а это прямой путь на кладбище типа парижского Пер-Лашез. Если красить слово «демократия» в какой-то цвет, то ей подойдет только серый. Серость победила, потому что оказалась востребована. Американец Энди Уорхол — лучшее тому подтверждение. Если раньше картина служила украшением жилища, то сейчас ее создают не для этого.

культура: Вы по-прежнему добавляете во французские краски песок и опилки, чтобы они стали гуще, рельефнее, «ближе к жизни»? В этом есть что-то символическое?

Рабин: Шероховатая поверхность лучше передает жизнь. Во Франции краски тонкотертые, а у меня живопись грубоватая. Вокруг нас не все чистенькое. Отношением к материалу мне нравится художник Гелий Коржев, у которого сюжеты самые советские.

культура: Вы живете в двух шагах от Центра Помпиду — главного хранилища современного искусства во Франции. Не так давно его коллекция пополнилась несколькими сотнями работ российских художников, в том числе и Вашей. В основном это дары благотворительного Фонда Потанина, коллекционеров, галерейщиков и самих художников. Это признание на Западе?

Рабин: Среди них всего одна моя маленькая картина. В основном Центр Помпиду отобрал работы концептуалистов, а я не вписываюсь по стилю. Но, видимо, учли мои прошлые «заслуги». Есть и другие исключения — Штейнберг, Янкилевский, Немухин, Рогинский. Теоретически можно допустить, что через 100 или 200 лет решат, что им в руки попали настоящие сокровища. Правда, пока в это не верится.

культура: Что побудило Вас подарить свои работы Третьяковке?

Рабин: Я же не собираюсь жить тысячу лет. В один прекрасный день исчезну по распоряжению свыше, а Третьяковка будет существовать до тех пор, пока существует Россия. Она — русское достояние. Так или иначе, сегодня половину своих работ готов отдать Третьяковке и другим русским музеям.

культура: Вы чувствуете себя счастливым человеком и художником?

Рабин: Не могу и не хочу ни на что жаловаться. Все выпавшие испытания не сократили мою жизнь — 90 лет не каждому даются. Если не брать темные полосу — почти десять лет назад умерла жена Валя; если отбросить разные неприятные вещи — недавно сильно болела, сейчас хожу с палочкой, — то в общем, да, счастлив. После болезни снова начинаю рисовать — уже хорошо. Недавно женился на художнице Тане, и рядом со мной теперь близкий человек. Неизвестно, пережил бы я без нее последний негод. Одному валиться было бы очень не весело. Отправили бы меня в какую-нибудь богадельню.

культура: «Жизнь бессмысленна, если смерти нет», — сказали Вы мне однажды.

Рабин: А как же иначе? Невозможно представить себе, что творилось бы на земле в случае бессмертия. Как люди смогли бы жить? На одной из моих картин «Виза на кладбище» есть строка: «Причина смерти — воля Божия». Обозначила я на полотне телефон и электронный адрес. Потому что не знаю, кончатся ли жизнь со смертью или нет.

Книжная полка

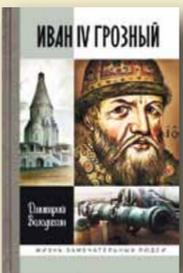
Интерес к отечественной и зарубежной истории, ее поворотным моментам, судьбам сильных мира сего и простых людей на фоне потрясений, кажется, плавно переключался из прошедшего года в новый. Первая и Вторая мировые войны, Сибирь петровских реформ, правление Ивана Грозного — этими эпохами открывается 2018-й.

Анна Ветлугина.
«Франциск Ассизский». —
М.: «Молодая гвардия», 2018

Об учредителе нищенствующего ордена в зажиточной Умбрии рубежа XII–XIII веков сказано немало. Первые жития, появившиеся вскоре после смерти католического святого, подробно описывали его деяния, чудеса, исцеления, детально рисовали внешность и стигматы — следы от гвоздей на руках и ступнях. Со временем церковная литература дополнилась народными сказаниями (Fioretto): в них Франциск проповедовал птицам, поднимался над землей, окутанный облаком, лечил прокаженных.

Образ миссионера богато представлен в европейской литературе, живописи и музыке: «Легенды для фортепиано» Ференца Листа, глава «Божественной комедии» Данте Алигери, фрески Джотто и его учеников. На самой известной из них изображено венчание с Бедностью, которую символизирует аллегорическая женская фигура, облаченная в рубище. В общем, материала более чем достаточно. Казалось бы, что тут делать биографу? Однако писатель, автор книги об Игнатии Лойоле Анна Ветлугина находит новый поворот: она изучает фигуру легендарного святого применительно к современности. Первый жолог, первый хиппи, первый защитник бездомных животных. По наблюдению автора, идеи Франциска Ассизского наиболее точно отражают суть и чаяния современных христианских активистов: когда акцент делается на помощи нуждающимся, а не на личном просветлении.

Дмитрий Володихин,
«Иван IV Грозный. Царь-сирота». —
М.: «Молодая гвардия», 2018

Профессор истории в МГУ, автор монографий по русскому Средневековью пишет об Иване IV не впервые: восемь лет назад в издательстве «Вече» уже выходило его исследование, посвященное великому «правителю и воителю». Новая книга подводит итог многолетней работы, попутно развенчав многочисленные домыслы и спекуляции. «Я не разделяю как мифа о том, что Иван Грозный — полубезумный маньяк, только все разрушавший и губивший, так и мифа о том, что это гениальный стратег и

безупречный христианин, который вел страну от триумфа к триумфу. <...> Личность его была пестра, царствование его было пестро. Черное и белое перемешаны чересполосно, впрочем, хватало и других цветов, оттенков, теней, света... История Ивана Грозного сложна и поучительна, а потому должна быть извлечена от лозунгов любого рода. Разбираться в ней следует с холодным умом, храня крепкую веру и опираясь на трезвенный отказ от любого рода экзальтации, любого рода истерии. Историк, работающий с грозненской эпохой, должен, в идеале, сочетать в себе навыки часовщика и сапера. Такую книгу, по мере сил, я и старался создать», — написал Володихин в своем блоге.

Принцип подачи материала прост и вместе с тем оригинален: везде, где это возможно, предлагается живой текст источника.

Алексей Иванов.
«Тобол. Мало избранных». —
М.: «Редакция Елены Шубиной», 2018

Продолжение романа-пеплума — действие по-прежнему происходит в Сибири в эпоху петровских реформ — позиционируется как одна из самых ожидаемых новинок года. Во всяком случае, первая часть грандиозного литературного проекта «Тобол. Много званных» вошла в топ-10 наиболее продаваемых книг в России по версии Forbes. И хотя Иванов ставит на вид склонность к излишней беллетризации (исторические факты в его случае, как правило, непроверяемы) и перенаселенность романа (одних

только главных героев два десятка, не считая второстепенных персонажей), пишет он явно с увлечением. Смелычаки, пришедшие покорять глухие края, проходят инициацию: беглые раскольники мечутся на небо и проклинают себя на земле, митрополит упрямо сопротивляется таежному демону, солдаты идут за золотом в далекий азиатский Яркенд. А еще петербургские чиновники, пленные шведы, вольные «гулящие люди», строгие книжники, безграмотные дети природы, китайцы, джунгары, бухарцы и остяки — критики уже сравнили писателя с гостеприимным хозяином, мечущим новых героев, как блюда на стол. Однако в чем точно нельзя отказать Иванову, так это в создании краеведческой мифологии, чувстве магии места. «Там, в дальних пределах Сибири, в полупустынной непогоде чернеют бревенчатые башни заброшенной Мангазеи, там в мокрой тундре из мерзлоты, задрвав изогнутые бивни, тихо вытравивают косматые туши мамонтов, там горы, там тигры, там степь, в которую монголы затоптали мертвого Чингиза, там китайский богдыхан во дворце за Великой Стеной разит кривым мечом золотого дракона, там черные шаманы взлетают к демону в дыму жертвенных костров заклятого острова Ольхон».

Андрей Филимонов.
«Рецепты сотворения мира. От Парижа до Сибири через весь XX век». — М.: «Редакция Елены Шубиной», 2018

Писатель, дебютировавший в прошлом году с романом «Головастики и святые», успел снискать славу психоделического Шукшина и выйти в короткие списки «Нацбеста» и премии «Нос». Маська, Некрас, якорь у высокого яра, медведь в буреломе — экзотика. Тему можно было бы эксплуатировать до бесконечности, однако в новом романе Филимонов полностью сменил вектор. «Рецепты...» — это семейная сага, «сказка, основанная на реальном опыте», «квест в лабиринте истории, петляющей от Парижа до Сибири через весь XX век», как сказано в издательском анонсе. Одна из характерных для книги историй — о студентке-гуманитарии Гале, решившей прогуляться летним вечером в Нескучном саду, несмотря на военное положение и комендантский час. «Бесшумно открывает дверь, выскальзывает в подъезд, как кошка. Идет вниз босиком, боясь наступать на себя каблучками бдительным соседям. И вот наконец: улица, свобода, приключение. Дура ты, шепчет она, вляпаясь. И улыбается, довольная тем, что не чувствует страха. Ветер сдувает облако над крышей. А там розовая луна, как воспаленный глаз». Словно очутившись в мирах Герберта Уэллса — «Мертвые тушки аэростатов в небе. Страшный свет фары трехногий машины, притаившейся позади дома» — девушка испытывает, пожалуй, только любопытство. Оно же заставит Галю сесть в незнакомую генеральскую машину — есть фашистский шоколад и рассказывать по-детски глупые страшные истории. Наивность движет и другими героями Филимонова — дядей Васей, погибшим в Большом театре, юнкером Володей, проигравшим сражение на Перекопе, летчиком Митей, крутившим на Аляске роман с американкой из племени апачей. Никто из них не рассказал о своей жизни, разве что оставил несколько писем в семейном архиве.

Полосу подготовила Дарья ЕФРЕМОВА

Игорь Малышев:

«Махно должны были повесить, но Столыпин его помиловал»

ФОТО: ВЛАДИМИР АСТАПОВИЧ/РИА НОВОСТИ

В издательстве «Лимбус Пресс» вышел роман финалиста «Большой книги» и «Русского Букера» Игоря Малышева «Номы. Искры большого пожара», посвященный одному из самых спорных героев Гражданской войны — Нестору Махно. О неписанных правилах вольницы Гуляйполя, надеждах и идеалах анархистов «Культура» поговорила с писателем.

культура: Нестор Махно — фигура противоречивая, разнородная в кино и литературе. Кто он для Вас и почему роман назван анаграммой? Не всякий догадается, о ком идет речь.

Малышев: Мне казалось, что после Есенина Номы уже не «шифровка». Но поскольку ударение в имени путают даже литературные критики (то и дело говорят «Номы»), понимаю, что «Страна негодяев» — поэма непрочитанная. Анаграмма понадобилась, чтобы оставить поле для игры — когда пишешь про реального человека, надо быть максимально точным, нельзя ничего выдумывать. Но зачем браться за документальную вещь, после того как в «ЖЗЛ» вышла замечательная биография Махно, написанная Василием Головановым? Это по-настоящему вышешенная и выстраданная книга. Мне оставалось только ориентироваться на его материал. Для меня Номы, прежде всего, незаурядная личность, которой довелось жить в период творческой истории. За все время существования нашей цивилизации нечасто случались моменты, когда бедняк, простолыдину представляла возможность заявить свою правду. Выразить волю. И Махно — смог. Этот человек — производная свободы, «крик крестьянства о помощи», идеалист. В какой-то мере даже панк. Обычно атамана представляют упрям, живорезом. Он был жестоким, но не более всех тех, кто сражался в Гражданскую войну — Врангель и Колчак ведь тоже не отличались гуманизмом. Меня часто спрашивают, а почему Гражданская война? Про мирную жизнь, что ли, неинтересно писать?

культура: Действительно, почему?

Малышев: Да потому что Гражданская война всегда на соседней улице, она часть нашего быта, образа жизни, ее сложно не замечать. Отчетливо это поняла, когда в середине 80-х проводил лето в деревне. Компания мальчишек-подростков, костры по вечерам, романтика. Вдруг в нашу сельскую идиллию вторгаются какие-то перепутанные люди из Средней Азии — беженцы из Казахстана, Узбекистана. Мы стали интересоваться — как вас сюда занесло, почему дома не сидитесь? Они отвечают — мы спасаемся, нас там режут. Ну а я, советский ребенок, про дружбу народов хорошо знаю. Как, говорю, режут? — Буквально, по горлу. Это произвело неизгладимое впечатление. Потом началось 90-е: Абхазия, Приднестровье, Нагорный Карабах, Чечня. Потом — Донбасс. Откроешь «Фейсбук» — и там все копыла ломают.

культура: В романе картины всеобщего благоденствия приходят к Номы лишь во сне. А наяву — резня и реки крови. Критик Дмитрий Самойлов даже употребил по отношению к Вашему роману эпитет «это Бабель, укушенный Тарантино». Как Вам такое?

Малышев: Приятно, когда тебя сравнивают с большими художни-

ками, пусть даже укушенными (смеется). Бабель — один из моих любимых авторов, хорошо, если удались какие-то его интонации. Правда, пока я работал над текстом, больше думал о Шолохове, вот кто писатель на все времена. «Тихий Дон» врос в подкорку.

культура: Кинообразы батьки на Вас повлияли? Недавно вышел сериал «Девять жизней Нестора Махно», где Павел Деревянко играет атамана как искреннего, сомневающегося человека. А раньше его совсем иначе представляли. Помните, в «Красных дьяволятах» Махно привезли в мешке из-под муки?

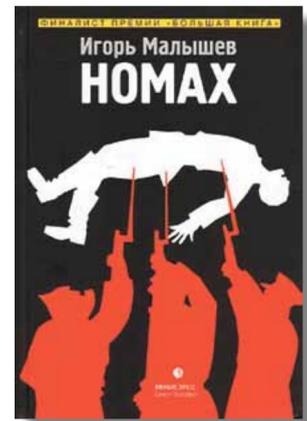
Малышев: Да, мешок сняли, и оттуда выскочил злобный всклокоченный карлик. А еще Нестор Иванович появлялся в фильме Леонида Лукова «Александр Пархоменко» — там он тоже выглядит полуусумасшедшим: сидит среди ночи за пустым столом, пьет водку, шапка на лоб съехала, и поет: «Любо, братцы, жить». В советском кино бытовало такое прочтение, хотя на самом деле дикарем атаман не был. Хороший оратор, агитатор, между прочим, очень начитанный человек. Его образованием занимались интеллектуалы, представители разных течений анархизма, с которыми он отбывал срок в Бутырке, в частности — Петр Аршинов-Марин. Политические заключенные, богачи, даже в тюрьме устраивались с комфортом — и книги им привозили, и качественную еду, и одежду. А тут какой-то малороссийский батрак по уголовке: будущий членом «Союза бедных хлеборобов», семнадцатилетний Махно участвовал в «экспроприациях», — стрелял жандарма. Должны были повесить, но Столыпин помиловал его как несовершеннолетнего. В тюрьме на парня обратили внимание, заметили его харизму, сообразительность.

культура: Вы говорите — идеалист, а чего он хотел?

Малышев: Батькой двигал чистый импульс: построить Царство Божие на земле. Его идеальное миропонимание — крестьянская община, где все на равных, каждый возделывает землю, собирает урожай. Управляет вольницей сход, на котором проис-

ходят выборы атамана. Лидер — совсем по Бакунину — не представитель власти как механизма принуждения, он — человек, обладающий авторитетом. Не насилует волю, а ведет к цели. Инстинктивный свыше Махно не признавал. Городов не любил. Не понимал, что делать с этой грудой камней. В юности он успел поработать на заводе, представлял, что такое индустриализация. Поэтому общался с городской администрацией на уровне взаимовыгодного обмена: мы дадим вам хлеб, а вы нам винтовки. Он охранял свой мир: степь, лес, хаты. «Работал» своеобразно. Днем в Гуляйполе бойцов как будто не было. Приходили белые или, скажем, немцы — кругом мирные селяне, никакой опасности. А ночью хлопцы брали шттики, пулеметы... Конечно, Махно располагал еще и регулярной армией — в лучшие годы она достигала 80 000 человек.

культура: Огромная сила.

Малышев: Махно рассматривался как очень серьезный игрок всеми — и большевиками, и белыми, и петлюровцами, и зелеными. К нему искали подходы, и он шел на контакт.

Не сотрудничал только с представителями Белого движения — ненависть крестьянина-бедняка к барину была у него в крови. И националистов не любил — хотя одно время обменивался поставками с Петлюрой. Близки ему были только большевики. Он и Октябрьскую революцию принял с радостью. Боролся против Рады, воевал с немецкими оккупантами. После поражения гетманщины бился с Петлюрой, объединившись с отрядами Дыбенко в 1-й Заднепровской дивизии. И хотя Махно понимал, что вряд ли когда-нибудь войдет в большевистское правительство, до последнего надеялся, что ему оставят вотчину — Гуляйполе. Большевики давали надежду — намекали, мол, все возможно, Нестор Иванович.

культура: Насколько я понимаю, Махно перестал верить красным, когда те ввели продразверстку, а земли решили отдать под колхозы?

Малышев: И это тоже. Но самым страшным предательством он считал то, как большевики повели себя в Крыму. После заключения очередного соглашения с Лениным, в октябре 1920 года махновская армия пошла на

Врангеля. Об этом позже не говорили, приписали все заслуги Фрунзе. В первых же боях в районе Пологи одержали победу — разбили несколько частей, взяли в плен около 4000 человек. В начале ноября махновцы вместе с красными были уже под Перекопом. Друг и ближайший соратник батьки Семен Каретников форсировал Сиваш, нанес главный удар, — Врангелю пришлось отступить в глубокий тыл полуострова. Повстанческая армия участвовала во взятии Еватпатории, Севастополя, Керчи, Ялты. Когда Крым был полностью освобожден от белых, Фрунзе имел на руках телеграмму от Ленина, в которой говорилось, что всех анархистов надо арестовать, обвинив в контрреволюционных преступлениях. В этом была своя правда: махновцы вели активную агитацию в городах. Каретникова пригласили на переговоры и застрелили по дороге. Потом началась настоящая резня. В Гуляйполе вернулось несколько сотен человек. Махно озвучил самую страшную вражду бывающую между братьями, бывшими друзьями. А определенная близость позиций была — не случайно атаман называл себя анархо-коммунистом.

культура: В итоге Номы оказывается в Париже, нищенствует.

Малышев: Тут мне ничего не приходилось придумывать. Так и было. С остатками войска он ушел в Румынию, потом, уже в Польше, махновцы попали в лагерь для интернированных. Вырвались, бежали в Германию. Последние годы Махно жил в Париже, сапожничал, жена от него ушла. В начале 30-х его нашла организация испанских анархистов, там их было очень много. Сегодняшняя Каталония — отзвуки анархического движения тех лет. Уговаривали уехать с ними. Нестор Иванович не пошел. То ли не верил в успех, то ли было сильно болен — страдал костным туберкулезом, понимал, что из своего подвала ему уже не выйти.

культура: В Ваших прочтениях Гражданской нет правых и виноватых.

Малышев: Думаю, так и было. Другое дело, что война была неизбежна. Это понятно по литературе Серебряного века, она пронизана ощущением грядущего взрыва. Поэты, конечно, люди сумасшедшие, но тонкие вибрации чувствуют отлично. Помните, у Есенина «Я пойду за дорожным курганом / Дорогого гостя встречать». Это стихотворение-предчувствие.

культура: Все были не правы, но победили красные.

Малышев: Как сказал Виктор Шкловский, «война состоит из большого и взаимного неумения». Так вот, у кого чуть получается уметь, тот и выигрывает. На мой взгляд, сила красных — в людских, отражающих чаяния людей лозунгах и, конечно, в умах. Можно по-разному относиться к Ленину, но он — глыба, гений. Невозможно не уважать такой интеллект. Или — тот же Троцкий с его неумейной чудовищной энергией. У белых ничего подобного не было. И у анархистов тоже. Рай Махно утопичен. Он не выдерживает столкновения с реальностью. Да и вообще, панки не могут победить. Но это не значит, что они проиграют.

Комдив Павел Дыбенко и комбриг Нестор Махно

Сергей Новицкий:

«Снова докажем, что наша школа фигурного катания лучшая в мире»

Дмитрий ЕФАНОВ,
Георгий НАСТЕНКО

15 января в Москве начнется первенство континента по фигурному катанию. Наши спортсмены представлены во всех дисциплинах и считаются главными претендентами на победу в общем зачете. Своими ожиданиями от предстоящего турнира с «Культурой» поделился чемпион Европы в танцах на льду Сергей Новицкий.

культура: Будете болеть за коллег с трибун «Мегаспорта»?
Новицкий: Руководство федерации обещало обеспечить проход на все дни соревнований. Кроме того, буду вести на «Матч ТВ» аналитическую программу, посвященную чемпионату. От предстоящего турнира жду яркого зрелища, острой и интересной борьбы. Уверен, россияне снова докажут, что наша школа лучшая в мире.
культура: Фактор домашних стен играет на руку сборной России?

Новицкий: В нынешней ситуации лучше выступать здесь, чем за рубежом. Публика будет поддерживать каждого спортсмена, что положительно скажется на эмоциональном фоне. К слову, ажиотаж большой и стоит ожидать аншлаги на протяжении всего турнира. Главное, четко организовать билетную программу. На московском этапе Гран-при с этим возникали проблемы...

культура: Кто-то из Ваших учеников выступит?
Новицкий: После завершения карьеры перешел на тренерскую работу и набрал группу малышей. Сейчас у меня нет подопечных старше десяти лет. Наше время еще придет.

культура: Вы так рано ставите детей в пары?
Новицкий: Нет, я переквалифицировался в специалиста по одиночному катанию, имею определенный опыт в этой дисциплине, поскольку до тринадцати лет выступал индивидуально. Большинство элементов получались хорошо, но были проблемы с прыжками, поэтому перешел в танцы.

культура: Двукратный призер чемпионатов континента Елена Радионова теперь не попадает даже в число запасных. Можете объяснить регресс талантливой спортсменки, тем более, Вы работали в ее команде?
Новицкий: Сейчас в нашем женском одиночном катании так много талантливых фигуристок, что порой конкуренция на внутренней арене даже выше, чем на чемпионате Европы, и в окончательный состав сборной пробиться очень сложно.

культура: Основная борьба за победу в Москве развернется между Евгенией Медведевой и Алиной Загитовой?
Новицкий: В канун Олимпиады Загитовой самое время заявить о своих претензиях на лидерство. Тем более, догонять всегда проще. В любом случае окончательное решение о составе сборной на Играх в Корею будет принято после чемпионата Европы.

Алина Загитова

Справка «КУЛЬТУРЫ»

Состав сборной России на чемпионате Европы по фигурному катанию

Женщины: Алина Загитова, Мария Сотскова, Евгения Медведева.

Запасные: Станислава Константинова, Полина Цурская.

Мужчины: Михаил Коляда, Александр Самарин, Дмитрий Алиев.

Запасные: Сергей Воронов, Артур Дмитриев.

Пары: Евгения Тарасова — Владимир Морозов, Ксения Столбова — Федор Климов, Наталья Забияко — Александр Энберт.

Запасные: Кристина Астахова — Алексей Рогонов, Александра Бойкова — Дмитрий Козловский.

Танцы: Екатерина Боброва — Дмитрий Соловьев, Александра Степанова — Иван Букин, Тиффани Загорски — Джонатан Гуреиро.

Запасные: Бетина Попова — Сергей Мозгов, Софья Евдокимова — Егор Базин.

ФОТО: СТАНИСЛАВ КРАСЛИНИКОВ/ТАСС

культура: Еще одна российская участница Мария Сотскова может рассчитывать на медаль?
Новицкий: Я буду безумно рад, если весь пьедестал почета займут наши соотечественники. И это вполне реально. Но иностранные соперники

также напряженно готовятся к турниру и без боя не сдадутся. В первую очередь отмечу опытную Каролину Костнер. Итальянка всегда меня восхищала, и, надеюсь, совместная работа с Алексеем Мишиным привнесла в ее программу много новых и интересных элементов.

культура: В отличие от девушек, наших мужчин постоянно критикуют. В Москве за сборную выступят молодые и перспективные ребята. На какой результат они могут рассчитывать?
Новицкий: Да, Михаил Коляда, Дмитрий Алиев и Александр Самарин еще молоды. Но те же Ягудин и Плющенко стали знаменитыми, когда им

Михаил Коляда

Екатерина Боброва и Дмитрий Соловьев

не было и двадцати. Конечно, в техническом плане нынешние лидеры сборной России имеют неплохой арсенал. Они могут выполнять элементы, сравнимые с теми, что делали прежние лидеры, но прогресс не стоит на месте, и ведущие зарубежные атлеты ушли дальше. Программы постоянно усложняются, и легче не станет. Тем не менее главная звезда Старого Света Хавьер Фернандес пока не в оптимальной форме, и на одном из этапов Гран-при Коляда испанца опередил. Все наши фигуристы имеют шансы на награды, но не стоит преувеличивать возможный успех, поскольку на первенстве Европы не будет американцев, канадцев, японцев, китайцев. На Олимпийских играх конкуренция и состав участников значительно усилятся.

культура: В танцах мы отыски от больших побед. Что происходит в Вашем виде программы?
Новицкий: Трудно однозначно ответить. Возможно, дело в смене поколений. Но не все так печально. Некоторые наши пары показывают хорошее катание. Мне очень нравятся Александра Степанова и Иван Букин, хотя на победу ребята претендовать, скорее всего, не смогут. На турнире вне конкуренции будет французская пара Габриэлла Пападакис — Гийом Сизерон. Если не произойдет ничего сверхъестественного, они в очередной раз станут чемпионами Европы. В нынешнем сезоне французский дуэт уверенно обыгрывали основных конкурентов. Пападакис и Сизерон настолько легкие, воздушные, что создается впечатление — они не катаются, а кружева плетут. Нашим этого не хватает. Впрочем, Екатерине Бобровой и Дмитрию Соловьеву, а также Степановой и Букину вполне по силам завоевать медали. Очень приятно смотреть и третья российская пара — Тиффани Загорски и Джонатан Гуреиро. Они недавно составили этот дуэт, и мне их катание кажется перспективным и многообещающим. С предыдущими партнерами оба не так интересно смотрелись.

культура: В состязаниях спортсменов пар специалисты отмечают прогресс Евгении Тарасовой и Владимира Морозова.
Новицкий: Согласен, но в то же время в этой дисциплине у россиян в нынешнем сезоне большие проблемы. Программы интересные и сложные, но на чемпионате страны никто из них стабильного катания не показал. Не хватает надежности. Олимпийские чемпионы Сочи в командных соревнованиях Ксения Столбова и Федор Климов допускали слишком много ошибок. Хотя дуэт очень харизматичный. Отчасти проблемы можно объяснить длительной травмой партнерши. Бюсю, между чемпионатами России и Европы слишком мало времени, чтобы успеть исправить все недочеты. Тем не менее Тарасовой и Морозову, а также Столбовой и Климову вполне по силам войти в число призеров. А если у них на московском льду возникнут проблемы, то высокое реноме российского парного катания смогут поддержать Наталья Забияко и Александр Энберт, которые преисполнены амбиций и постоянно прогрессируют.

Есть что ВСПОМНИТЬ

315 ЛЕТ НАЗАД, 13

января (2-го по ст. ст.) 1703 года, в Москве, согласно петровскому указу, вышел 1-й номер первой русской печатной газеты «Ведомости». Именно в этот день теперь празднуется День российской печати. А 290 лет назад, тоже «2 января», при Академии наук начали издаваться «Санкт-Петербургские ведомости» — по сути, первое регулярное отечественное средство массовой информации.

с а н к т ъ п е т р б у р г ъ .

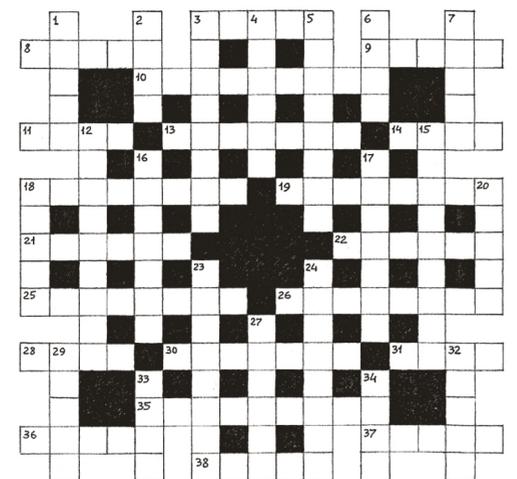
в Ъ д о м о с т и

У газеты, выходящей в новой столице империи, значительно более продолжительная история, нежели у предшественницы. Возглавил ее вначале 22-летний Герард Миллер — он впоследствии получил известность как пионер российской журналистики, первопроходец во многих гуманитарных областях отечественной науки, а также самый именитый глашатай «норманнской теории». В приложении под названием «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», представлявшем собой нашу самую раннюю журнальную периодику, публиковались в то время научные статьи, литературные произведения, рецензии и другие интересные для читающей публики материалы. Кстати, труды о пришедших на Русь норманнах и их (якобы?) предводителях Юрике там тоже печатались.

Спустя два десятка лет после создания «Санкт-Петербургских ведомостей» их руководителем стал главный оппонент германских специалистов вообще и Миллера в частности Михаил Ломоносов, и с этого момента издание претерпело основательную «русификацию». Позже с газетой и ее приложениями сотрудничали такие российские знаменитости, как Василий Жуковский, Владимир Даль, Петр Вяземский, Иван Тургенев, Александр Островский, Владимир Стасов, Алексей Суворин, Виктор Буренин. (Последний из названных однажды жестоко раскритиковал в газете начальный вариант «Азбуки» Льва Толстого.)

«Санкт-Петербургские (с 1914-го — «Петроградские...») ведомости» прекратили свое существование в 1917-м. Их выпуск возобновился в первые постсоветские годы. Теперь издание именуется «главной городской газетой» и посвящено в основном событиям города на Неве.

Сергей ГРОМОВ

По горизонтали: 3. Напиток, который, по мнению М. Паниковского, «хорошо помогает от сердца». 8. Высшая степень осуждения у иудеев. 9. Центр удельного княжества в Московском государстве. 10. Дворец в Петергофе. 11. «Средство передвижения» сказочного Емели. 13. Сибирский олень. 14. Американский актер, «король вестерна». 18. Знаменитый испанский оперный певец. 19. Профессия М. Мэдсена в фильме «Убить Билла» К. Тарантино. 21. Коварное намерение. 22. Гигантская статуя. 25. Российский актер театра и кино, певец. 26. Морское чудовище из Ветхого Завета. 28. Персонаж пьесы М. Горького «Дачники». 30. Театральная принадлежность — оптический прибор. 31. Русский художник, декоратор («Засыпающий царевич», «Приказ в Москве»). 35. Советский композитор, лауреат Сталинской премии первой степени (оперы «Сказание о великом граде Китеже и тихом озере Светояре», «Суворов», балет «Мирандолина»). 36. Единичка плача. 37. Генерал, герой войны 1812 года, шеф лейб-Кирасирского полка, портрет его украшает «Военную галерею» Зимнего дворца. 38. Латиноамериканский танец.

По вертикали: 1. Французский исторический живописец. 2. Героиня романа Г. Флобера «Мадам Бовари». 3. Фильм иранского режиссера М. Махмальбафа. 4. Повесть С. Довлатова. 5. Фильм — режиссерский дебют В. Меньшова. 6. Замок в Западной Европе в Средние века. 7. Российская женская поп-группа. 12. Российская актриса («Тихий Дон», «Легенда о Коловрате»). 15. Греческий ученый и поэт, глава Александрийской библиотеки. 16. Благородный металл. 17. Соединение двух произведений. 18. Курица-наседка. 20. Французская писательница, создатель литературного персонажа Эммануэль. 23. Творческий работник зрелищных видов искусства. 24. Роман М. Пруста из цикла «В поисках утраченного времени». 27. Персонаж Дж. Толкина «Властелин колец», которого часто сравнивают с Гренделем — чудовищем из древнеанглийской поэмы «Беовульф». 29. Поэма В. Маяковского, посвященная Л. Брик. 32. Российский писатель, автор «Вредных советов». 33. Гонконгский кинорежиссер («Крепко обнимаю тебя», «Бесконечная печаль»). 34. Английская киноактриса («Поющие в терновнике»).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 1. Абдулов. 5. Рязанов. 9. Молинарро. 10. Ржевская. 12. Софа. 13. Пиррушка. 14. Пике. 17. Вента. 18. Буряк. 20. Гриль. 21. Тест. 22. Хохма. 26. Кларк. 27. Клара. 28. Орелоп. 30. Мими. 31. Обманка. 34. Гном. 37. Ланцелот. 38. Брассенс. 39. Клодель. 40. Калаягин.

По вертикали: 1. Аммосов. 2. «Дельфина». 3. Леня. 4. Верни. 5. Рожок. 6. Зевс. 7. Никритин. 8. Ваятель. 11. Пудра. 15. Варежки. 16. Игуменов. 18. Батик. 19. Кроха. 23. Науменко. 24. Манат. 25. Вейнберг. 26. Камелек. 29. Лемиссон. 32. Брошь. 33. Курск. 35. Бзе. 36. Осел.

В следующем номере:

Владимир Высоцкий:
«Песни призваны делать человека лучше»
Эксклюзивное интервью «Культуре»